

P25296
N 1

0188

КРИСТОФЕРЪ МАРЛО.

И(АНГЛ)-13

М 28

Handwritten red '4713' and other markings.

ТРАГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
ДОКТОРА ФАУСТА.

Переводъ съ англійскаго

К. Д. БАЛЬМОНТА.

Handwritten numbers '8810' and '11' with other markings.

МОСКВА

КН-ВО К. Ф НЕКРАСОВА

1912

Handwritten purple '1954'.

Handwritten purple 'се-учини'.

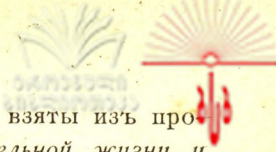

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ К. Ф. НЕКРАСОВА, ЯРОСЛАВЛЬ.

Предисловіе къ англійскому тексту.

Самое раннее изъ извѣстныхъ изданій The Tragical History of Doctor Faustus относится къ 1604-му году; второе изданіе, помѣченное 1609-мъ годомъ, почти во всѣхъ мелочахъ согласуется съ первымъ; третье изданіе, съ новыми сценами и различными измѣненіями, было опубликовано въ 1616-мъ году. Въ данномъ изданіи принятъ текстъ 1604-го года, съ нѣкоторыми разночтеніями, взятыми изъ изданія 1616-го года, въ соотвѣтствіи съ текстами Дайси и Буллена. Весьма сомнительно, чтобы какое-нибудь изъ прибавленій, помѣщенныхъ въ изданіи 1616-го года, принадлежало Марло; Булленъ думаетъ, что нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ ему (Марло). Они нерѣдко остроумны; иногда они представляютъ изъ себя улучшеніе. Весьма возможно, что они были написаны какимъ-нибудь хорошимъ, искуснымъ подражателемъ марловскаго

стиля. Комическія прибавленія взяты изъ прозаической *Исторіи предосудительной жизни и заслуженной смерти доктора Іоганна Фауста*; серьезныя прибавленія составлены въ тѣсномъ соотвѣтствіи съ первоначальнымъ произведеніемъ Марло. Извѣстно, что въ 1602-мъ году Уилльэмъ Бёрдъ и Самюэль Ролей получили четыре фунта стерлинговъ за *adisciones* къ *Фаусту*. Во внѣшнемъ видѣ драмъ, въ данномъ изданіи, усвоенъ превосходный планъ, введенный профессоромъ Уордомъ и принятый Булленомъ: пьеса раздѣлена только на сцены. На самомъ дѣлѣ, это не столько правильная драма, сколько драматическая поэма.

Хавелокъ Эллисъ.

† Нѣсколько словъ о типѣ Фауста.

Основной пунктъ нѣмецкой легенды о Фаустѣ заключается въ договорѣ человѣка съ дьяволомъ, въ желаніи мятежной человѣческой природы перейти за предѣлы возможнаго,—силою соприкосновенія съ духомъ зла. Человѣкъ, утомленный нищенской блѣдностью повседневной жизни, человѣкъ, возжаждавшій сверхчеловѣческаго, старается достигъ необыкновенной власти и необыкновеннаго проникновенія, сперва путемъ, по которому идутъ всѣ,—путемъ глубокаго изученія отдѣльныхъ отраслей познанія,—потомъ, видя, что самыя напряженныя усилія въ этомъ направленіи приводятъ лишь къ жалкимъ, ограниченнымъ результатамъ, онъ посягаетъ на границы чисто-человѣческаго и, предаваясь магіи, вступаетъ въ договоръ съ Дьяволомъ.

-Типъ Фауста—типъ средневѣковья. Въ наши

дни люди молятся своему собственному уму; въ тѣ времена молились Богу или Дьяволу. Въ наши дни люди чувствуютъ вокругъ себя безграничный міръ съ долгими путями, широко открытыми для cadaго. Въ тѣ времена міръ представлялся замкнутымъ, строго ограниченнымъ: онъ былъ тяжелымъ, мрачнымъ замкомъ, въ которомъ непремѣнно были и высокія пиршественныя залы, и сырыя подземныя темницы, — и въ которомъ, непремѣнно, вступивши въ одну комнату, вы должны были, по строго определенному порядку, перейти въ другую и третью, и четвертую, пока не доходили до предназначенной для васъ участи.

Въ этой *символикѣ неизбежности*, въ этой обязательности перехода отъ одного къ другому было много вѣрнаго, хотя и не признаннаго, психологическаго чутья. Въ ней былъ угаданъ трагическій характеръ соприкосновенія человѣческой души со зломъ, неизлѣчимый характеръ душевной заразы, заключающійся уже въ самомъ фактѣ встрѣчи между человѣкомъ и Дьяволомъ.

Когда человѣкъ преступаетъ предѣлы чловѣческаго, выбирая, какъ средство для этого, дерзновеніе преступления, душа его отравлена

[навѣки, и для него нѣтъ спасенія.] Какъ тонко отмѣчено въ «Фаустѣ» Клингемана,—Фаустъ пишетъ договоръ своей кровью, исторгнутой изъ лѣвой руки разрѣзомъ, *проходящимъ черезъ линію жизни*. Этотъ шрамъ, эта пораненная линія жизни остается навѣки неизгладимымъ знакомъ позорнаго договора съ Дьяволомъ.

Трагическая исторія доктора Фауста, его *предосудительной* жизни и *заслуженной* смерти, (какъ наивно выражается старинная Нѣмецкая легенда) является истинно-средневѣковой поэмой *преступленія и наказанія*.

+ Что же сдѣлалъ съ этой легендой авторъ того «Фауста», который считается лучшей разработкой народнаго преданія Нѣмецкой старины? Что съ ней сдѣлалъ геніальный поэтъ Вольфгангъ Гете?

Онъ написалъ яркое произведеніе, ставшее любимымъ чтеніемъ многихъ тысячъ людей девятнадцатаго вѣка; онъ создалъ *библію невѣрія*, гдѣ почти на каждой страницѣ вы встрѣтите красивое поэтическое настроеніе или блестяще-выраженную интересную мысль, но гдѣ не осталось ничего изъ трагическаго характера старинной легенды, озаренной прелестью наивности.

Гете уничтожилъ роковой характеръ встрѣчи между человѣческой душой и духомъ зла. Его Фаустъ и его Мефистофель не противники, полные заклятой вражды, а добрые товарищи на скверныя дѣла. Въ силу тѣсной и давнишней дружбы они иногда подсмѣиваются другъ надъ другомъ, иногда надуваютъ другъ друга, но въ общемъ живутъ, какъ закадычные пріятели.

Если средневѣковая легенда не сумѣла нарисовать типъ истиннаго Дьявола, какъ его *въ* *должной мѣрѣ* не сумѣлъ еще нарисовать никто, она все же въ значительной степени дала его почувствовать, указавъ на губительный ужасъ приближенія къ духу зла. Истинный демонизмъ чувствуется также и въ религіозныхъ драмахъ испанскихъ авторовъ: Гирсо де-Молина, Кальдерона, Мира де-Амескуа, Бельмонте и въ «Потерянномъ Раѣ» Мильтона, и въ романахъ Достоевскаго, но его нѣтъ у геніальнаго и хладнокровнаго Гете. Великій создатель нѣмецкой литературы былъ слишкомъ эллиномъ, чтобы почувствовать и изобразить Дьявола. Его Мефистофель просто остроумный насмѣшникъ и ловкій мошенникъ. Гетевскій Мефистофель— это *diabolus vulgaris* высшаго полета. Кривля-

Вузон

?!

ясь и дѣлая разныя ироническія ужимки, которыя свидѣтельствуютъ, что онъ человѣкъ опытный въ разрѣшеніи высшихъ проблемъ; услаждая себя и Фауста произношеніемъ философическихъ остротъ, онъ никогда не становится такимъ, чтобы намъ сдѣлалось страшно.

Будучи лишень этой главной черты, которая составляетъ родовое отличіе истинно-сатанинской природы, онъ и въ жизни Фауста играетъ чисто-внѣшнюю роль: онъ впутываетъ его въ цѣпь будничныхъ фактовъ, совершенно лишенныхъ оттѣнка необычайности, служитъ ему сводникомъ, помогаетъ ему соблазнить заурядную дѣвицу, подталкиваетъ его руку на случайное убійство. Все это элементарные факты, лишенные одухотворенности. Душу Фауста онъ не отравляетъ, его души онъ не касается. И потому, когда Раскольниковъ, запутавшись въ собственныхъ софизмахъ, внушаетъ себѣ мысль о страшномъ преступленіи и, въ особенности, когда Иванъ Карамазовъ соблазнительными рѣчами побуждаетъ Смердякова совершить убійство, и потомъ изнемогаетъ подъ тяжестью кошмаровъ,—въ этомъ чувствуется непобѣдимый ужасъ демонизма, въ этомъ есть геніальный трагизмъ, который отсутствуетъ въ убійствѣ Валентина. („Faust“)

И какъ же разрѣшаетъ Гете интригу драмы, когда она дошла до надлежащей запутанности? Проводя насъ среди безчисленныхъ панорамъ второй части «Фауста», перепутывая событія драмы съ неясными намеками на свою собственную жизнь, утомляя наше вниманіе этой безконечной вереницей безжизненныхъ аллегорическихъ масокъ, онъ постепенно подводитъ Фауста къ ощущенію полного внутренняго благополучія и, въ видѣ искупленія, заставляетъ его осушать береговую полосу моря и проводить каналы, полезные для торговыхъ сношеній!

Нѣтъ, въ этомъ нѣтъ психологической правды,—если даже эту развязку мы будемъ понимать не прямо, а символически. *) Фаустъ, гордый Фаустъ, желавшій обладанія Вселенной, онъ, титанъ, считавшій себя роднымъ братомъ съ Духомъ Земли, не понимаетъ такой очевидной истины, что духовный диссонансъ нельзя возмѣстить матеріальнымъ вознагражденіемъ!

† Какъ бы ни была ничтожна Гретхенъ, она

*) Нѣмцы говорятъ, что гетевскій „Фаустъ“ есть „ein Gedankendrama“. Но вѣдь и средневѣковая легенда тоже относится къ типу Gedankendrama, такъ же, какъ трагедія Марло, такъ же, какъ испанскія autos.

достигла высшихъ, для нея доступныхъ, ступеней; она беззавѣтно отдала свою душу и тѣло тому, кого любила; она дошла до преступленья; у нея помутился разумъ; она, начавшая свою жизнь среди цвѣтовъ, кончаетъ ее въ тюрьмѣ и на лобномъ мѣстѣ. А! Фаустъ для психологическаго равновѣсія изучаетъ античный міръ и дѣлается канализаторомъ! Но развѣ, если вы меня оскорбили, и потомъ въ видѣ возмездія предлагаете матеріальное вознагражденіе, это не есть новое, страшное оскорбленіе? Нѣтъ, душа можетъ забыть оскорбленіе только тогда, — и только тогда снова почувствовать утраченную ею гармонію, — когда вы сознаете свой грѣхъ и переживете мгновенія жгучей душевной боли. Пострадавшему не нужно ни этой боли, ни внѣшнихъ перемѣнъ, не нужно никакого чистилища, но душѣ оскорбителя оно нужно для того, чтобы, пройдя сквозь очистительный огонь, она снова вступила, какъ живое звено, въ стройную систему мірозданія и услышала тѣ гармоническіе хоры, которыми незаслуженно услаждаетъ Гете смертный часъ своего Фауста.

Сказанное мною относится къ формѣ искупленія вообще, къ путямъ спасенія души, преступившей извѣстныя обязательныя основы.

Но возможно ли вообще искупленіе для людей такого типа, какъ Фаустъ? Средневѣковая легенда отвѣчала на этотъ вопросъ отрицательно, и мнѣ думается, что этотъ отвѣтъ является единственно-возможнымъ. Типъ Фауста, такъ же какъ типъ Донъ-Жуана, и такъ же какъ типъ Прометей, сложились, каждый подъ черной звѣздой, и представители трехъ этихъ типовъ неизбѣжно должны придти къ одному и тому же роковому концу. Въ самомъ дѣлѣ, эти три наиболѣе интересные образа изъ галлерей главныхъ типовъ, имѣющихъ общечеловѣческой характеръ, Прометей, Донъ-Жуанъ и Фаустъ, относятся къ одному началу, опредѣляемому словомъ *демонизмъ*. Основная черта демонизма въ его чистомъ, кристаллизованномъ видѣ, есть стремленіе выйти за предѣлы своего собственнаго «я», жгучее желаніе *преступить возможность*.

Краснорѣчиво видоизмѣняясь, основная черта эта повторяется въ каждомъ изъ трехъ названныхъ типовъ.

Если *Красота* Бодлера говоритъ: «Je hais le mouvement, qui déplace les lignes» *),—Прометей,

*) «Мнѣ ненавистно движеніе, которое перемѣщаетъ линіи» (La Beauté). Les Fleurs du Mal.

Фаустъ и Донъ-Жуанъ могли бы сказать обратное: они желаютъ порвать установленный узоръ бытія, перемѣстить линіи, пересоздать ту сферу, на которой каждый изъ нихъ сосредоточиваетъ свое вниманіе: Прометей хочетъ пересоздать общій характеръ жизни, Фаустъ—соотношеніе между міромъ и человѣкомъ, Донъ-Жуанъ—соотношеніе между мужской душой и женской. Всѣ трое—мятежники, возстающіе на основные законы человѣческой жизни. *Пилигримы Вѣчности* *), они желаютъ абсолютнаго, и наталкиваются на невозможность. Прометей хочетъ соединить небо съ землей, Фаустъ—совершенство съ несовершеннымъ, истину и разумъ, Донъ-Жуанъ — совершенство любви съ несовершенной гаснущей душой человѣка. Всѣ трое фатально должны погибнуть, и тѣ поэты, которые даютъ благополучную развязку драматической исторіи того или другого, или третьяго типа, мѣняютъ самую идею типа, лишаютъ его цѣльной, замкнутой въ себѣ, тождественности. Прометей, Фаустъ и Донъ-Жуанъ могутъ кончить только трагически, или они перестанутъ быть собой. Тогда нужно для спра-

*) Слова Байрона.

ведливости говорить о томъ или другомъ изъ нихъ: «Вотъ человѣкъ, который былъ Фаустомъ», или: «Вотъ человѣкъ, бывший Донъ-Жуаномъ». Въ «Les Ames du Purgatoire» Проспера Мериме Донъ - Жуанъ умираетъ въ монастырѣ, умиротвореннымъ, раскаявшимся грѣшникомъ. Онъ пересталъ быть Донъ-Жуаномъ, когда сдѣлался дѣйствительнымъ схимникомъ. Его типъ исчезъ при приближеніи къ той запредѣльной сферѣ, гдѣ типовъ нѣтъ. Такъ мы и говоримъ о монахѣ: «братъ» или «отецъ» такой-то, а въ мірѣ такой-то. Вступая въ монастырь, онъ умеръ, и это уже призракъ Донъ-Жуана проводитъ долгіе годы въ затворничествѣ и умираетъ въ «благоуханіи своей святости». Меня спросятъ: «Развѣ Донъ-Жуанъ не могъ поступить въ монастырь, какъ таковой?» Да и нѣтъ. Если онъ умеръ въ святости, значитъ, онъ пересталъ быть самимъ собой. Значитъ—нѣтъ. И въ то же время — да, потому что по прошествіи многихъ лѣтъ затворничества онъ могъ, и долженъ былъ, стосковаться о томъ, что въ его личности было сильнѣйшимъ побудительнымъ мотивомъ: о женщинѣ, объ идеально - прекрасной, идеально - любящей женщинѣ; онъ долженъ былъ стосковаться объ

этомъ миражномъ призракѣ и вновь побѣждать за нимъ. Пусть Донъ-Жуанъ измѣнится, пусть онъ будетъ въ монастырѣ, и даже непременно: онъ найдетъ въ немъ больше красоты, чѣмъ могъ разсчитывать въ отчаянный моментъ такого рѣшенія, но онъ измѣнитъ монастырю, какъ онъ измѣняетъ женщинамъ: immer höher-immer weiter *).

Мнѣ могутъ возразить, что Гете вовсе и не хотѣлъ написать *трагическую исторію* доктора Фауста, что великая цѣнность его произведенія именно и заключается въ совершенно самостоятельной разработкѣ легенды, сдѣлавшей гетевского героя однимъ изъ основныхъ типовъ всего XIX-го вѣка. Справедливо. Можно быть благодарнымъ Гете за высоко-интересную поэму, но можно и очень сѣтовать на него за то, что онъ совершенно исказилъ прекрасную легенду. !! Произведеніе Гете останется навсегда однимъ изъ самыхъ блестящихъ созданій человеческого ума, благодаря яркой интересности деталей, но въ смыслѣ цѣльной идеи, въ смыслѣ соотношенія между предполагаемымъ типомъ героя и

*) „Все выше, все дальше“. Слова Гете, изъ 2-й ч. Фауста.

Sic!

внутреннимъ развитіемъ драмы, эта поэма является огромнымъ хаотическимъ сборомъ фактовъ и сценъ, не облеченныхъ органической стройностью и лишенныхъ творческой гармоніи.

† Трагедія Кристофера Марло, представляющая изъ себя первую по времени драматическую разработку Нѣмецкой легенды, имѣетъ то великое преимущество передъ драмой Гете, что Марло уловилъ всѣ основные моменты-народнаго преданія, удержалъ его мрачный средне-вѣковой характеръ, и въ то же время сумѣлъ придать своему произведенію тотъ рѣзко индивидуальный отпечатокъ, какимъ отмѣчены и другія его драмы: «Тамерланъ Великій», «Мальтійскій Жидъ» и «Эдуардъ Второй»† Трогательная наивность, опредѣлительность и извѣстная старомодная тяжеловѣсность многихъ сценъ марловской драмы живо переносятъ насъ въ ту эпоху, когда козней Дьявола боялись ежеминутно;—когда можно было побывать въ Аду и возвратиться на землю съ закопченнымъ лицомъ, какъ это случилось съ Данте,—и когда небо было такъ низко отъ земли, что высокія горы, для того, чтобы пройти сквозь него, если не

порывали, то отгибали его голубой покровъ *). Можно ли было въ тѣ времена кончить иначе, чѣмъ страшной гибелью, позорную жизнь, основанную на союзѣ съ нечистымъ!

Неизбѣжность гибели понялъ и одинъ изъ современныхъ поэтовъ, довольно мало извѣстный, но глубоко оригинальный Австрійскій поэтъ Николай Ленау, который въ своей драматической поэмѣ «Фаустъ», имѣющей, такъ же какъ гетевскій «Фаустъ», философскій характеръ, заставляетъ своего героя покончить самоубійствомъ **).

Конечно, трагедія Марло ограниченнѣе по содержанию мозаичной поэмы Гете. Но это не ограниченность бѣдности, а стройная замкнутость художественной цѣльности. Поэма Гете—это искусственно соединенныя разнородныя черты

*) Calderon. „El Purgatorio de San Patricio“, jornada tercera, escena X.

**) Объ этомъ замѣчательномъ произведеніи, отдѣльныя сцены котораго не уступаютъ гетевскому „Фаусту“ (напр. Der Sturm, Görg, Faust's Tod, и мн. др.), см. интересный этюдъ Эдуарда Гартмана. Въ драмѣ Ленау можно видѣть, въ разныхъ сценахъ, полныя предвосхищенія нѣкоторыхъ идей Шопенгауэра, Гартмана и Ницше.

долгой и богатой жизни, полной холодныхъ наблюдений ума. Трагедія Марло—это отдѣльный, ярко выраженный психологическій моментъ, полный неукротимаго кипѣнія.

Если вы были въ Венеціи и видѣли храмъ св. Марка, вамъ, конечно, бросилось въ глаза, что это зданіе, являющееся однимъ изъ самыхъ красивыхъ зданій въ Европѣ, представляетъ изъ себя смѣшеніе совершенно разнородныхъ элементовъ. Вы одновременно чувствуете въ немъ и благолѣпную Византійскую церковь и роскошный Мавританскій дворецъ.

Посмотрите же послѣ этого на простой готическій соборъ: онъ не такъ богатъ, онъ одноцвѣтенъ и однообразенъ, но, постепенно суживаясь кверху, своимъ острымъ шпилемъ онъ уходитъ въ небо,—и еще вопросъ, гдѣ вы больше испытаете глубокихъ настроеній,—въ роскошной ли чувственной Венеціи, или въ бѣдномъ Нѣмецкомъ городкѣ съ его высокостремящейся готической башней.

К. Бальмонтъ.

Incognito
42

ТРАГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ДОКТОРА ФАУСТА.

†

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Папа.

Кардиналъ Лотарингій.

Императоръ Германскій.

Герцогъ Вангольтскій.

Фаустъ.

Вальдесъ,

Корнелиусъ,

} друзья Фауста.

Вагнеръ, слуга Фауста.

Клаунъ.

Робинъ.

Ральфъ.

Трактирщикъ, лошадиный барышникъ, рыцарь,
старикъ, студенты, монахи и свита.

Герцогиня Вангольтская.

Люциферъ.

Вельзевулъ.

Мефистофель.

Добрый Ангелъ.

Злой Ангелъ.

Семь Смертныхъ Грѣховъ.

Дьяволы.

Духи, имѣющіе форму Александра Великаго, его
возлюбленной и Елены Троянской.

Хоръ.

(Входитъ хоръ).

Хоръ.

Не шествуя въ предѣлахъ Тразименскихъ,
Гдѣ карфагенянь Марсъ уничижилъ,
Не отдаваясь игрищамъ любовнымъ,
Средь королей, гдѣ власть стоитъ вверхъ дномъ,
Не пышностью дѣяній дерзновенныхъ
Желаеть Муза нынѣ возвеличить
Божественный свой стихъ: нѣтъ, мы хотимъ
Представить судьбы Фауста предъ вами
И добрыя, и злыя, мы зываемъ
Къ спокойной снисходительности вашей,
И говоримъ за Фауста тѣхъ дней,
Когда онъ быть ребенкомъ. Онъ родился
Въ Германіи; родители его—
Простые люди; городъ, гдѣ впервые
Узрѣлъ онъ свѣтъ, носилъ названье Рода.
Позднѣй онъ перебрался въ Виттенбергъ,
Гдѣ, въ родственникахъ встрѣтивши опору,

Возросъ. И такъ онъ быстро преуспѣлъ
Въ наукѣ богословья, такъ украсилъ
Учености зиждительное поле,
Что докторскимъ былъ званіемъ почтенъ,
Всѣхъ тѣхъ превосходя, чьихъ душъ услада
Любимая—судить и разсуждать
О неземныхъ предметахъ богословья;
До той поры, пока не напитавшись
Лукавствомъ самомнѣнья, воспарилъ,
На восковыхъ крылахъ, на высь такую,
Что превзошелъ предѣлы силъ,—и Небо
Въ его ниспроверженьи поклялось;
Растаяли измѣнчивыя крылья.
И онъ, упавъ съ замысленныхъ высотъ,
Принизился до дьявольскихъ занятій,
И вотъ теперъ онъ жадно поглощаетъ
Познанья золотистые плоды:
Проклятой некромантіи предался.
Ничто ему теперъ такъ не желанно,
Какъ магія, ее онъ возлюбилъ
Превыше, чѣмъ главнѣйшее блаженство.
И это онъ—въ рабочемъ кабинетѣ!

(Уходитъ).

СЦЕНА I-я.

(Виденъ Фаустъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ *).

Фаустъ.

Опредѣли свои занятя, Фаустъ,
И глубину того измѣрь сначала,
Чему другихъ учить ты захотѣлъ.
Начавъ, какъ теологъ, будь имъ по виду,
Но оцѣни послѣдній крайній смыслъ
Во всѣхъ отдѣльныхъ отрасляхъ познанья;
Какъ жилъ, умри въ границахъ тѣхъ основъ,
Которыя даетъ намъ Аристотель.
О, сладость Аналитики **),—ужь если
Меня плѣняетъ что, такъ это ты.

(Читаетъ).

Bene disserere est finis logicae.

Цѣль логики—быть точнымъ въ разсужденьи?
И болѣе значительнаго чуда

*) Дайси (Duse) высказываетъ мысль, что, вѣроятно, хоръ, прежде чѣмъ уйти со сцены, отодвигалъ занавѣсъ, и Фаустъ, такимъ образомъ, представалъ передъ публикой въ своемъ рабочемъ кабинетѣ.

**) „Аналитика“ Аристотеля—важная часть его „Логики“. Надо думать, что Фаустъ поочередно беретъ произведенія, о которыхъ идетъ рѣчь въ монологѣ, и читаетъ критикуемые имъ отрывки. Онъ разсматриваетъ при этомъ общепринятое въ 16-мъ вѣкѣ дѣленіе дисциплинъ: философію или логику, медицину, юриспруденцію и теологію.

Намъ эта вѣтвь познанья не даетъ?
 Такъ больше не читай, предѣль достигнутъ:
 Приличествуетъ Фаусту иное,
 Важнѣйшее. Op sai me op, *) прощай.
 Приди, Галець. Какъ истина гласитъ намъ,
Ubi desinit Philosophus ibi incipit Medicus **).
 Будь медикомъ, о Фаустъ, кучи злата
 Нагромозди, увѣковѣчь себя
 Какимъ-нибудь чудеснымъ исцѣленьемъ.

(Читаеть).

Summum bonum medicinae sanitas.

Цѣль медицины высшая — здоровье?
 Какъ, Фаустъ, развѣ этой высшей цѣли
 Ты не достигъ? Слова, что ты роняешь,
 Не стали афоризмами? Не стали —
 Какъ надписи на памятникахъ пышныхъ —
 Тѣ росписи, предъ властію которыхъ
 Въ охваченныхъ чумою городахъ
 Смирился бичъ, и тысячи болѣзней,
 Отчаянье будившихъ, скрылись прочь?
И все же ты лишь человекъ и Фаустъ!
 Когда бъ ты могъ дать людямъ вѣчность жизни,

*) Принципъ противорѣчія или тождества, являющійся основой всякаго сужденія: одна и та же вещь не можетъ въ одно и то же время *быть и не быть*.

***) Гдѣ конецъ философу, тамъ врачу начало.

Иль мертвыхъ къ жизни снова могъ воззвать,
Тогда бы это знанье было цѣннымъ.

Наука врачеванія, прощай!

- Гдѣ мудрый правовѣдъ Юстиніанъ?

(Читаетъ).

*Si una eademque res legatur duobus, alter rem, alter
valorem rei, etc. *)*

Подумаешь, какой занятный случай

Изъ жалкихъ сферъ духовныхъ завѣщаній!

(Читаетъ)

*Ex haereditate filium non potest pater nisi, etc. **)*

Объ этомъ Институціи гласятъ

И общій Сводъ Законовъ. Вотъ наука,

Достойная приставниковъ наемныхъ,

Которымъ ничего не нужно, кромѣ

Подонковъ очевидности; но мнѣ

Противно это нищенство и рабство.

Нѣтъ, мудрость богословья все же лучше.

Вотъ, Фаустъ, Библия Иеронима ***),

Возьми и хорошенько разсмотри.

(Читаетъ).

*) Если одна и та же вещь завѣщана двумъ наслѣдникамъ, одинъ получаетъ вещь, другой стоимость вещи.

**) Отецъ не можетъ лишить своего сына наслѣдства, исключая и т. д.

***) Латинскій переводъ Библии св. Иеронима, называемый Вульгатой.

Stipendium peccati mors est.—Ха!

Stipendium... Грѣху награда—смерть. !

Жестоко!

(Читаетъ).

Si peccasse negamus fallimur et nulla est in nobis
veritas.

Когда мы говоримъ: въ насъ нѣтъ грѣха,—
Мы лжемъ себѣ, мы лжемъ, и нѣтъ въ насъ
правды.

Такъ что жъ, какъ представляется, намъ должно
Грѣшить и вслѣдъ за этимъ—умереть.

И какъ же вы зовете эту мудрость?

Che sera sera? То, что будетъ, будетъ?

Прощай и ты, премудрость богословья!

Нѣтъ, это вотъ божественно одно:

Познанья сверхъестественныя маговъ,

Ихъ книги некромантіи: круги,

Изображенья, линіи и буквы.

Вотъ этого такъ жадно хочетъ Фаустъ!

О, что за міръ восторговъ и богатствъ,

И почестей, и власти—здѣсь искатель

Блаженство всемогущества найдетъ!

Завѣтный мигъ! Мнѣ будетъ все подвластно,

Что движется межъ полюсовъ недвижныхъ:

Цари и короли повелѣвають

Лишь въ собственныхъ отдѣльныхъ областяхъ,

Имъ не дана возможность вызвать бурю
Иль разорвать оплоты облаковъ;
А кто достигъ вотъ въ этомъ совершенства,—
Тогда его могущество — вездѣ,
Куда ни глянетъ разумъ челоуѣка.
Такъ, Фаустъ: мудрый магъ—могучій богъ,
Пусть здѣсь твои всегда пребудутъ мысли,
Разъ возжелалъ божественнаго. Вагнеръ!

(Входитъ Вагнеръ).

Поди и передай привѣтъ сердечный
Моимъ друзьямъ, Корнелиусу, также
Какъ Герману Вальдесу. Попроси ихъ
Прийти ко мнѣ; скажи, чтобъ непременно
Пришли. Я жду.

В а г н е р ъ.

Сію минуту.

(Уходитъ).

Ф а у с т ъ.

Съ ними

Бесѣда для меня важнѣе будетъ,
Чѣмъ всѣ мои упорные труды.

(Входятъ Добрый Ангелъ и Злой Ангелъ).

Д о б р ы й А н г е л ъ.

О Фаустъ, брось отверженную книгу,

Что предъ тобою, не читай ее,
Твоей души она соблазномъ будетъ
И навлечетъ тяжелый Божій гнѣвъ
На голову твою. Читай, читай
Священное Писаніе, а это
Есть богохульство.

Злой Ангель.

Фаустъ, укрѣпляйся
Въ прославленномъ искусствѣ этомъ, всѣ
Въ немъ включены сокровища Природы:
Будь на землѣ—то, что Юпитеръ въ небѣ,
Владыкой, повелителемъ стихій.

(Ангелы уходятъ).

Фаустъ.

О, какъ меня властительно волнуетъ
Одна лишь мысль объ этомъ. Значитъ, я
Заставлю духовъ дѣлать все, что только
Покажется желаннымъ мнѣ,—заставлю
Мои недоумѣнья разрѣшить,
И выполнить все, что ни пожелаю,
Что молвить дерзновенье? Повелю имъ
Я въ Индію за золотомъ летѣть,
Опустошить глубины океана,
Лишивъ его восточныхъ жемчуговъ,
Ислѣдовать всѣ уголки въ предѣлахъ

Вновь найденнаго міра, чтобъ оттуда
Достать плодовъ и царственныхъ сластей,
Заставлю ихъ читать мнѣ строки новой,
Чудесной философіи, вѣщать мнѣ
О тайнахъ чужеземныхъ королей;
Германію велю имъ опоясать
Стѣной изъ мѣди, быстрый Рейнъ принудить,
Чтобъ лентой окружилъ онъ Виттенбергъ,
Наполнить школы пышными шелками,
Чтобъ, нарядившись въ нихъ, ученики
Смотрѣли браво; созову солдатъ
На деньги, принесенныя въ добычу—
Мнѣ—созванными мною же войсками,
Принцъ Пармскій *) будетъ изгнанъ изъ страны,
Я воцарюсь надъ всѣми областями
Единственнымъ владыкою, заставлю
Подвластныхъ духовъ мнѣ изобрѣсти
Для цѣлей наступательныхъ орудья
Причудливѣй, чѣмъ огненный корабль,
Что вспыхнулъ у Антверпенскаго моста. **)
(Входятъ Вальдесъ и Корнелиусъ).

*) Алессандро Фарнезе, который занималъ Нидерланды, составлявшія тогда часть имперіи, отъ 1579-го года до 1592-го.

**) Рѣчь идетъ о знаменитомъ взрывѣ брандера, бывшемъ во время блокированія Антверпена принцемъ Пармскимъ въ 1585-мъ году и причинившемъ провалъ

Привѣтъ, Вальдесъ, привѣтъ, Корнеліусъ!
 Я васъ прошу благословить меня
 Богатствами бесѣды вашей мудрой.
 Мой другъ, Вальдесъ, и ты, Корнеліусъ,
 Узнайте, вашимъ словомъ я склоненъ:
 Хочу заняться магіей, возжаждалъ
 Упитъся сокровенною наукой;
 Не только вашимъ словомъ я подвигнуть,
 Но и своей фантазіей: мой умъ
 Не хочетъ ни о чемъ иномъ и думать,
 Лишь объ одномъ мое воображенъ—
 О тайнахъ некромантіи мечтаетъ.
 Противна философія, темна,
 Наука врачеванія и право—
 Для нищенскихъ умовъ, презрѣннѣй всѣхъ
 Наука теологіи презрѣнной,
 Ничтожной, жесткой, подлой. Магія,
 Лишь магія одна меня плѣнила!
 Такъ помогите жъ мнѣ, друзья мои,
 Въ моемъ желаньи стать искуснымъ магомъ,
 И я, смутившій пастырей церковныхъ
 Богатствомъ яркимъ сжатыхъ силлогизмовъ,

моста надъ Шельдой, который былъ построенъ принцемъ Пармскимъ. Интересное описаніе этого событія—въ Grimestone's General Historie of the Netherlands, p. 875, ed. 1609.

Я, вынудившій гордость Виттенберга,
Весь цвѣтъ его, стекаться шумнымъ роємъ
На разрѣшенье спутанныхъ проблемъ,
Какъ нѣкогда отверженные духи
Роились вокругъ Музайоса *), когда
Онъ съ пѣсней низошелъ въ Аидъ,—я буду
Агриппѣ **) равенъ въ знаньяхъ сокровенныхъ,
Кто властью надъ тѣнями всю Европу
Заставилъ преклониться передъ нимъ.

ВАЛЬДЕСЪ.

Твой свѣтлый разумъ, Фаустъ, эти книги,
И опытность, достигнутая нами,
Раскинутъ власть надъ духомъ всѣхъ народовъ,
Заставятъ ихъ включить насъ въ ликъ святыхъ.
Какъ мавры дальней Индіи послушны
Испанскимъ повелителямъ своимъ,
Такъ духи всѣхъ стихій—ежеминутно
Къ услугамъ насъ троихъ; лишь захотимъ—
Какъ львы, оберегать они насъ будутъ;
Военнымъ быстрымъ маршемъ подлѣ насъ,

*) Греческій поэтъ и прорицатель мифологическихъ временъ.

**) Корнелій Агриппа, авторъ знаменитой книги De Occulta Philosophia, гдѣ онъ устанавливаетъ правила для вызыванія тѣней.

Какъ рейтеры нѣмецкіе, помчатся,
Раскинувъ лѣсъ кавалерійскихъ копій;
Иль будутъ—какъ лапландскіе гиганты;
А то предстанутъ женщинами,—или
Какъ дѣвушки, невинныя еще,
Не знавшія супруга, отражая
Въ тѣни бровей воздушныхъ красоту,
Плѣнительнѣй, полнѣй, чѣмъ та, которой
Сіяютъ груди бѣлыя Венеры,
Владычицы любви; легко примчатъ.
Отъ дремлющихъ лагунъ венеціанскихъ
Огромныя торговыя суда;
Изъ новыхъ странъ Америки похитятъ
Руно, что ежегодно заполняетъ
Сокровищницу стараго Филиппа,—
—Все это, если Фаустъ твердъ въ рѣшеніи.

Ф а у с т ъ.

Вальдесъ, объ этомъ болѣе ни слова:
— Я въ этомъ твердъ, какъ ты—въ рѣшеніи
жить.

К о р н е л и у с ъ.

Тѣ чудеса, что магія свершитъ намъ,
Тебя заставятъ клятву дать отнынѣ

Не предаваться больше никакимъ
Другимъ наукамъ. Знай, что кто испытанъ,
Какъ астрологъ, обогащенъ познаниемъ
Различныхъ языковъ, уразумѣлъ
Природу минераловъ, тотъ владѣеть
Основами, потребными для мага.
Не сомнѣвайся жъ, Фаустъ, въ томъ, что ты
Достигнешь этимъ славы, и, владѣя
Такою тайной, будешь посѣщаемъ
Искательной толпой, какъ никогда
Не посѣщался ей оракулъ въ Дельфахъ.
Мнѣ духи говорятъ, что имъ возможно
Прогнать моря съ ихъ ложа, и достать
Съ морского дна всю скрытую добычу,
Сокровища погибшихъ кораблей.
Что говорю я,—больше: всѣ богатства,
Которыя во впадинахъ земли,
Въ гигантскихъ нѣдрахъ праотцами скрыты,—
Подвластные, они исторгнутъ намъ.
—Чего жъ троимъ недостаетъ намъ, Фаустъ?

Ф а у с т ь .

У насъ есть все, Корнеліусъ! О счастье!
Идемъ, и покажи мнѣ что-нибудь
Изъ области магическихъ явленій,

Чтобъ духовъ гдѣ-нибудь въ тѣнистой рощѣ
Могъ вызвать я, и обладалъ вполнѣ
Восторгами такими неземными.

Вальдесъ.

Спѣши къ какой-нибудь пустынной рощѣ,
И захвати творенія съ собой
Альбануса и мудраго Бэкона *),
Псалтырь еврейскій и Евангелъ;
А что еще понадобится, скажемъ,
Предъ тѣмъ, какъ кончимъ наше совѣщанье.

Корнелиусъ.

Скажи ему, Вальдесъ, первоначально
Завѣтныя слова науки этой.
Когда же онъ обучится вполнѣ
Всѣмъ должнымъ церемоніямъ, онъ можетъ
Испробовать свое умѣнье самъ.

*) Роджеръ Бэконъ, знаменитый англійскій монахъ XIII-го вѣка, „doctor mirabilis“. Что касается Альбануса, Дюнцеръ видитъ въ немъ итальянскаго врача и алхимика XIII-го и начала XIV-го вѣка. Пиетро д'Абано, который едва не былъ сожженъ инквизиціей, а Митфордъ считаетъ его тождественнымъ съ такъ называемымъ Альбертусомъ Великимъ, теологомъ и естествоиспытателемъ XIII-го вѣка, получившимъ славу колдуна.

В а л ь д е с ь .

Я сообщу тебѣ первоосновы,—
Ты станешь совершеннѣе, чѣмъ я.

Ф а у с т ь .

Идемъ же, пообѣдайте со мною,
Потомъ обсудимъ все до мелочей,
Сегодня, прежде чѣмъ усну, хочу я
Испробовать, что я способенъ сдѣлать.
Сегодня ночью духовъ заклану,
Хотя бы это стоило мнѣ жизни.

(Уходятъ).

С Ц Е Н А 2-я.

Входятъ два студента *).

1-й студентъ.

Хотѣлось бы мнѣ знать, что это такое приключилось съ Фаустомъ, послѣ того, какъ во всѣхъ нашихъ школахъ гулъ раздавался отъ его sic probo?

*) Вѣроятно, эта сцена происходитъ передъ домомъ Фауста, такъ какъ Вагнеръ говоритъ о своемъ господинѣ, что онъ тамъ сидитъ за обѣдомъ.

2-й студентъ.

Сейчасъ узнаемъ: вонъ идетъ его слуга.
(Входитъ Вагнеръ).

1-й студентъ.

Ну, что, любезнѣйшій? Гдѣ твой господинъ?

Вагнеръ.

То вѣдаетъ Господь на небесѣхъ!

2-й студентъ.

Какъ, а ты не знаешь?

Вагнеръ.

Почему нѣтъ, знаю. Но этотъ выводъ не
обязателенъ.

1-й студентъ.

Ну, будетъ тебѣ шутить, любезнѣйшій! Ска-
жи-ка намъ лучше, гдѣ онъ?

Вагнеръ.

Этотъ выводъ не проистекаетъ въ силу не-

побѣдимаго аргумента, на что вы должны опираться, будучи лиценціатами. А посему, признайте вашу ошибку и впредь будьте внимательны.

2-й студентъ.

Да развѣ же ты не сказалъ намъ, что ты знаешь.

Вагнеръ.

Свидѣтель есть?

1-й студентъ.

Да, любезнѣйшій, я слышалъ твои слова.

Вагнеръ.

Спроси моихъ товарищей, воръ я или нѣтъ.

2-й студентъ.

Прекрасно, такъ вы не хотите намъ сказать?

† Вагнеръ.

Скажу, сударь, скажу. Но если бы вы не были глупцами, вы никогда не предложили бы мнѣ подобнаго вопроса. Развѣ онъ, въ самомъ

дѣлѣ, не представляетъ изъ себя *corpus naturale*? а слѣдовательно—*mobile*? Такъ зачѣмъ же вы предлагаете мнѣ подобный вопросъ? Не будь я по натурѣ флегматикъ, медленный на гнѣвъ и быстрый на распутство (то-есть любовь), не подошли бы вы тогда и на сорокъ шаговъ къ лобному мѣсту, хотя я не сомнѣваюсь, что вы оба будете повѣшены въ слѣдующую же сессию. Теперь, побивъ васъ окончательно, давай-ка я сострою физиономію на манеръ проповѣдника и начну говорить такимъ образомъ: дѣйствительно, дорогіе друзья мои, господинъ мой дома, обѣдаетъ, вмѣстѣ съ Вальдесомъ и Корнелиусомъ, какъ это вино, если бъ оно могло говорить освѣдомило бы ваши достопочтенства; итакъ, да благословитъ васъ Богъ, и да сохраняетъ васъ, и да оберегаетъ васъ, дорогіе друзья мои, дорогіе друзья мои.

(Уходитъ).

І-й студентъ.

Боюсь, что онъ предался этому проклятому искусству, изъ-за котораго оба они обезславлены на весь міръ.

2-й СТУДЕНТЪ.

Если бы онъ былъ чужеземцемъ и не имѣлъ ко мнѣ никакого отношенія, я и то обезпokoился бы за него. Пойдемъ, сообщимъ объ этомъ ректору: быть можетъ, солидные его совѣты предостерегутъ Фауста.

1-й СТУДЕНТЪ.

Боюсь, что его ничто не можетъ предостере-
речь.

2-й СТУДЕНТЪ.

Все же попробуемъ что-нибудь сдѣлать.
(Уходятъ).

С Ц Е Н А 3-я.

(Входитъ Фаустъ съ цѣлью заклинать духовъ *).

Ф а у с т ъ.

Теперь, когда густая тѣнь земли,
Стремясь увидѣть взоры Оріона,

*) Сцена, вѣроятно, происходитъ въ какой-нибудь рошѣ.

Горящіе какъ изморозь, бѣжитъ
Въ лазурь изъ антарктическаго міра,
Мрача ее своимъ дыханьемъ, чернымъ,
Какъ смоль,—теперь, о Фаустъ, приступи
Къ волшебнымъ заклинаніямъ, изслѣдуй,
Заставишь ли ты дьяволовъ себѣ
Повиноваться, правильно свершивъ
Обрядъ молитвъ и жертвоприношенья.
Здѣсь, въ этомъ кругѣ, имя Иеговы,
Продленное завѣтной анаграммой,
Здѣсь, въ сокращеніи, имена святыхъ,
Обозначенія всѣхъ явленій неба,
Изображенія знаковъ зодіака,
И письмена блуждающихъ свѣтилъ.
Они взываютъ къ духамъ: «Появитесь!»
Такъ будь же твердъ, о Фаустъ, и узнай,
Что можетъ совершить искусство мага.

Sint mihi Dei Acherontis propitii! Valeat numen
triplex Iehovae! Ignei, aerii, aquatani spiritus, salvete!
Orientis princeps Belzebub, inferni ardentis monarcha,
et Demogorgon, propitiamus vos, ut appareat et sur-
gat Mephistophilis. Quid tu moraris? per Iehovam,
Gehennam, et consecratam aquam quam nunc spargo,

signumque crucis quod nunc facio, et per vota nostra,
ipse nunc surgat nobis dicatus Mephistophilis! *)

(Входитъ Мефистофель).

Вернись назадъ, перемѣни свой образъ,
Ты слишкомъ безобразенъ, въ этомъ видѣ
Не можешь ты меня сопровождать.
Вернись ко мнѣ монахомъ францисканскимъ,
Сѣдымъ и престарѣлымъ. Это будетъ
Приличнѣе для дьявола.

(Мефистофель уходитъ).

Я вижу—
Въ моихъ словахъ и сила есть и власть.
Въ такомъ искусствѣ кто не захотѣлъ бы
Стать свѣдущимъ! Какъ этотъ Мефистофель
Уступчивъ и смирененъ! Такова
Власть магіи и чаръ моихъ! Ну, Фаустъ,
Теперь ты заклинатель—лавреатъ,

*) Да будутъ ко мнѣ благосклонны боги Ахерона! Да торжествуетъ тройственная божественность Іеговы! Духъ огня, воздуха и воды, привѣтъ тебѣ! Князь Востока Вельзевулъ, монархъ пылающаго ада, и ты, Демогоргонъ, споспѣшествуйте мнѣ, да возникнетъ и предстанетъ Мефистофель. Что медлишь? Заклинаю Іеговой и Геенной, и святою водой, что нынѣ кроплю, и знаменьемъ креста, которое нынѣ творю, и нашими обѣтами,—да предстанетъ нынѣ передъ нами названный Мефистофель!

Великій Мефистофель—твой невольникъ.

Quin regis Mephistophilis fratris imagine *).

(Вновь приходитъ Мефистофель, въ видѣ францисканскаго монаха).

МЕФИСТОФЕЛЬ.

—Чего же отъ меня желаетъ Фаустъ?

ФАУСТЪ.

Ты долженъ мнѣ служить до самой смерти.
Все исполнять, что Фаустъ повелитъ,
Хотя бъ онъ пожелалъ, чтобъ изъ оправы
Луна упала, или океанъ
Залилъ весь міръ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Великій Люциферъ—

Мой повелитель; быть тебѣ слугою
Могу я лишь съ его соизволенья;
Мы исполняемъ только то, что онъ
Прикажетъ намъ, не свыше.

*) Ты лучше царствуешь подъ видомъ брата Мефистофеля.

Ф а у с т ъ .

Значить, это
Онъ повелѣлъ тебѣ сюда явиться?

М е ф и с т о ф е л ь .

Нѣтъ, я пришелъ сюда по доброй волѣ.

† Ф а у с т ъ .

Какъ? Развѣ не заклятія мои
Принудили тебя? Отвѣть.

† М е ф и с т о ф е л ь .

Заклятья

Причиной были, но per accidens;
Лишь слышимъ мы, что кто-нибудь терзаетъ
Господне Имя, или отречется
Отъ своего Спасителя Христа,
Священное Писаніе отвергнетъ,—
И мы летимъ, въ надеждѣ овладѣть
Его душою гордой; и тогда лишь
Предъ нимъ мы появляемся, когда
Прибѣгнетъ онъ къ чему-нибудь, въ чемъ скрыта
Опасность быть навѣки осужденнымъ.

А потому, кто хочетъ заклинять,
Ему вѣрнѣйшій путь—отречься смѣло
Отъ Троицы, и, приложивъ усердье,
Молиться князю ада.

Ф а у с т ь .

Твой совѣтъ

Уже исполненъ: Фаустъ это сдѣлалъ.
Онъ держится такого положенья,
Что нѣтъ владыки, кромѣ Вельзевула,
И Фаустъ передаетъ ему себя.
Ему не страшно слово «осужденье»,
Въ Элизіумъ онъ превращаетъ адъ;
Да пребываетъ духъ его навѣки
Съ философами древности! Но будетъ.
Оставимъ этотъ праздный разговоръ
О душахъ человѣческихъ. Скажи мнѣ,
— Кто этотъ Люциферъ, твой повелитель?

М е ф и с т о ф е л ь .

— Верховный царь и повелитель духовъ.

Ф а у с т ь .

Но не былъ ли онъ ангеломъ когда-то?

М Е Ф И С Т О Ф Е Л Ъ .

Да, Фаустъ, и любимѣйшій предъ Богомъ.

Ф А У С Т Ъ .

Такъ какъ же сталь онъ княземъ темныхъ ду-
ховъ?

М Е Ф И С Т О Ф Е Л Ъ .

А! Это черезъ гордость, чрезъ стремленья,
Исполненные наглости, за что
Его навѣкъ отринулъ Богъ отъ неба.

Ф А У С Т Ъ .

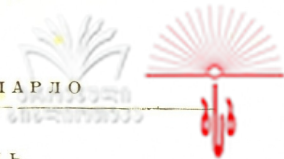
А кто же вы, живущіе съ нимъ вмѣстѣ?

М Е Ф И С Т О Ф Е Л Ъ .

Мы—духи тьмы, что съ Люциферомъ пали,
Мы съ Люциферомъ подняли крамолу,
И съ Люциферомъ мы осуждены.

Ф А У С Т Ъ .

И гдѣ же вы несете осужденье?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Въ аду.

ФАУСТЪ.

Но какъ же ты теперь внѣ ада?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Внѣ ада? Нѣтъ! О, нѣтъ! Въ аду. Онъ здѣсь.
Иль можетъ быть ты думаешь,—я, бывшій
Передъ лицомъ Всевышняго, вкушавшій
Безсмертную восторженность небесъ,—
Не мучаюсь тысячекратнымъ адомъ,
Блаженство безвозвратно потерявъ?
О Фаустъ, прекрати свои вопросы:
Они какимъ-то ужасомъ томятъ
Мою изнемогающую душу.

ФАУСТЪ.

Не можетъ быть, великій Мефистофель
Терзается такъ страстно оттого,
Что онъ лишился неба? Научись же
У Фауста быть мужественно-твердымъ
И презирать то счастье, которымъ

Ты никогда не будешь обладать.
Иди, предстань передь своимъ владыкой,
И пусть великій Люциферъ узнаеть,
Что Фаустъ, дерзновеніемъ возставши
На божество Юпитера, безстрашно
Навлекъ проклятье смерти на себя
И предаеть ему навѣки душу,
Но съ тѣмъ, чтобъ для него онъ уберегъ
Опредѣленный срокъ годовъ счастливыхъ,
Числомъ двадцать четыре, давъ ему
Возможность жить въ восторгахъ наслажденій;
Скажи ему, что я хочу тебя
Всегда имѣть въ моемъ распоряженіѣ;
Чтобъ ты давалъ мнѣ все, что захочу,
Чтобъ отвѣчалъ на всѣ мои вопросы,
Чтобъ убивалъ враговъ моихъ, чтобъ помощь
Во всемъ моимъ оказывалъ друзьямъ,
И былъ всегда моей покоренъ волѣ.
Ступай, вернись къ могучему владыкѣ,
А въ полночь въ мой рабочій кабинетъ
Приди, чтобъ сообщить мнѣ, какъ на это
Посмотрить твой верховный повелитель.

М Е Ф И С Т О Ф Е Л Ъ .

Я повинуюсь, Фаустъ.

(Уходитъ).

Ф А У С Т Ъ .

Если бъ душѣ
Имѣлъ я столько, сколько звѣздъ на небѣ,
Я всѣ ихъ Мефистофелю бы отдалъ.
Черезъ него Владыкой міра стану,
Построю мостъ сквозъ движущійся воздухъ
И перейду съ войсками океанъ:
Скую на африканскомъ побережьи
Холмы, какъ цѣпь, и этотъ край солью
Съ Испаніей въ единомъ континентѣ,
И Африку съ Испаніей заставлю
Быть данниками трона моего.
Германскій императоръ и другія
Державы будутъ впредь существовать
Лишь съ моего на то соизволенья.
Теперь же, получивъ, чего хотѣлъ,
Отдамся размышленіямъ объ этомъ
Искусствѣ неземномъ, и буду ждать,
Когда ко мнѣ вернется Мефистофель.

(Уходитъ).

✓ С Ц Е Н А 4-я.

Входятъ Вагнеръ и Клаунъ *)

ВАГНЕРЪ.

Эй ты, молодчикъ, поди-ка сюда!

КЛАУНЪ.

Молодчикъ? Чортъ побери! Много вы видѣли молодчиковъ съ такими pickadevants **), какъ у меня! Хорошъ молодчикъ!

ВАГНЕРЪ.

Отвѣть, любезнѣйшій, ты вхожъ сюда?

КЛАУНЪ.

Вхожу и выхожу. Можете удостовѣриться.

*) Эта сцена, вѣроятно, происходила на улицѣ. Это одна изъ тѣхъ сценъ, которыя считаются позднѣйшими прибавленіями къ оригиналу Марло. Первыя ея строки можно найти въ старинной пьесѣ „Укрощеніе строптивой“, которую Шекспиръ переработалъ.

**) Остроконечная борода (фр. pic-à-devant).

ВАГНЕРЪ.

О, жалкій рабъ! ишь—ты, какъ нищета скоромошествоуетъ въ его наготѣ! Мошенникъ нагъ и бѣденъ и не при мѣстѣ, плутъ такъ голоденъ, что готовъ отдать душу чорту, за лопатку баранины, хотя бы сырую.

КЛАУНЪ.

Отдать душу чорту за лопатку баранины, хотя бы сырую? Ну, нѣтъ, почтеннѣйшій! Клянусь Богородицей, ужъ если такъ дорого за нее платить, пусть она будетъ хорошо прожарена и подъ вкуснымъ соусомъ.

ВАГНЕРЪ.

Отлично! Хочешь ты поступить къ намъ въ услуженіе,—я тебя научу ходить какъ *Qui mihi discipulus* *)?

КЛАУНЪ.

Въ стихахъ?

*) Стихотворная строка, взятая у Лили, изъ его *Ad discipulos carmen de moribus*.

ВАГНЕРЪ.

Нѣтъ, любезный, въ шелкахъ съ позолотой,
и stavesacre на придачу *).

КЛАУНЪ.

Какъ? Какъ? Knave's acre! **) А я подумалъ,
что это цѣлое помѣстье наслѣдственное. Слы-
шите вы? Мнѣ было бы очень горестно лишить
васъ вашего добра.

ВАГНЕРЪ.

Мошенникъ, я говорю stavesacre.

КЛАУНЪ.

Э, э! stavesacre! Это что же значить: если
я поступлю къ вамъ въ услуженіе, я буду по-
лонъ всякой нечисти?

ВАГНЕРЪ.

Будешь,—поступишь ли ко мнѣ или нѣтъ, все

*) Delphinium staphisagria, вшивый корень.

**) Knave's acre (Poultney Street)—мѣстность, на-
селенная главнымъ образомъ старьевщиками.

равно. Однако, любезнѣйшій, перестань зубоскалить; лучше вступи со мной въ договоръ на семь лѣтъ, а то я превращу всѣхъ твоихъ вшей въ домовыхъ, и они разорвутъ тебя на части.

К л а у н ъ.

Вотъ какъ! Можете не трудиться: они ужъ и безъ того совсѣмъ какъ у себя дома. Чортъ возьми! они съ моимъ мясомъ такъ распоряжаются, какъ будто платятъ за обѣдъ и выпивку.

В а г н е р ъ.

Ну, ладно, любезнѣйшій! Бери-ка вотъ эти guilders *).

(Даетъ ему деньги).

К л а у н ъ.

Gridirons **? Это что такое?

В а г н е р ъ.

Какъ что? Французскія кроны.

*) Guilders—гульдены или голландскіе флорины.

***) Gridirons—рашперъ, рѣшетка для жаренья мяса.

К л а у н ъ .

Не переступить мнѣ церковнаго порога! На-
счетъ французскихъ кронъ дѣла такъ обстоятъ,
что все равно, ихъ ли имѣть или англійскіе
жетоны. Что мнѣ съ ними дѣлать *)?

В а г н е р ъ .

Какъ что, плутъ? Дается тебѣ часъ времени,
а потомъ найдетъ тебя дьяволъ гдѣ бы то ни
было и когда бы то ни было.

К л а у н ъ .

Нѣтъ, нѣтъ. Возьмите ваши gridirons.

В а г н е р ъ .

По-истинѣ, отказываюсь.

К л а у н ъ .

По-истинѣ, вы не можете отказаться.

*) Альберсъ предполагаетъ, что эти строки были вставлены въ текстъ Марло въ 1597 г., когда французскіе финансы были въ плачевномъ состояніи.

ВАГНЕРЪ.

Будьте свидѣтелями, что я далъ ихъ ему.

КЛАУНЪ.

Будьте свидѣтелями, что я возвращаю ихъ *).

ВАГНЕРЪ.

Прекрасно, я сейчасъ позову двухъ дьяволовъ, которые утащатъ тебя. —Балиолъ, Бельчеръ!

КЛАУНЪ.

Пусть, пусть придутъ сюда ваши дьяволы—Балиолъ и Бельчеръ,—я ихъ такъ поколочу, какъ ихъ никогда еще не колотили съ тѣхъ поръ, какъ они стали дьяволами. Что-то обо мнѣ будутъ говорить, если я убью одного изъ нихъ? «Видите вы вонъ того рослаго малаго въ короткихъ широкихъ штанахъ **),—онъ

*) Вагнеръ и Клаунъ обращаются къ публикѣ.

***) Обычная принадлежность костюма клауновъ, въ особенности знаменитаго Тарлетона.

убилъ дьявола». Пожалуй, во всемъ приходѣ меня будутъ звать Дьяволоубійцей.

(Входятъ два дьявола. Клаунъ съ крикомъ мечется по сценѣ).

Вагнеръ.

Балиоль, Бельчеръ, духи, прочь!

(Дьяволы уходятъ).

Клаунъ.

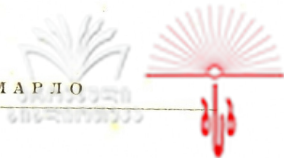
Ушли? Чтобъ имъ пусто было, какіе у нихъ мерзкіе длинные когти! Тутъ былъ дьяволъ, и съ нимъ дьяволица! Я васъ научу, какъ ихъ узнавать: у каждого дьявола есть рога, а у каждой дьяволицы щель и ноги съ копытцемъ.

Вагнеръ.

Ну, плутъ, за мной.

Клаунъ.

Иду, скажите только: если я поступлю къ вамъ въ услуженіе, вы меня научите вызывать Банюса и Бельчеоса?

Вагнеръ.

Я тебя научу превращаться во всякую всячину: въ собаку, въ кота, въ мышь или въ крысу.

Клаунъ.

Христіанская душа—и въ собаку, христіанская душа—и въ кошку, въ мышь или въ крысу! Ну, нѣтъ, сударь. Если ужъ вы захотите меня превратить во что-нибудь, пусть я буду этакой маленькой рѣзвенькой блошкой, чтобы я могъ прыгать и здѣсь, и тамъ, и по всѣмъ мѣстамъ. О, я таки попрыгаю средь юбокъ хорошенькихъ бабенокъ; клянусь, всегда буду между нихъ.

Вагнеръ.

Отлично, любезнѣйшій, идемъ.

Клаунъ.

Но, вы слышите, Вагнеръ?

Вагнеръ.

Опять? Балиоль, Бельчеръ!

К л а у н ъ.

О господинъ мой! Прошу васъ, сударь, оставьте въ покоѣ Баніо и Бельчера.

В а г н е р ъ.

Олухъ! Зови меня мейстеръ Вагнеръ, и чтобъ лѣвый твой глазъ былъ устремленъ діаметрально на мою правую пятку,—*quasi vestigiis postris insistere* *).

(Уходитъ).

К л а у н ъ.

Помилуй меня, Господи, онъ по-голландски мететь чепуху. Что жъ, пойду за нимъ. Буду служить ему: коротко и ясно.

(Уходитъ).

∨

+ С Ц Е Н А 5-я.

(Фаустъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ).

+ Ф а у с т ъ.

— Теперь, ты, Фаустъ, долженъ навсегда

*) Кухонная латынь.

Быть осужденъ, и нѣтъ тебѣ спасенья:
Къ чему же размышлять о небесахъ,
Къ чему теперь тебѣ о Богѣ думать?
Прочь эти всѣ мечты, отчайся въ Немъ,
И твердо положишь на Вельзевула.
Назадъ ни шагу больше. Фаустъ, смѣло!
Зачѣмъ же ты колеблешься? А! Что-то
Звучитъ мнѣ прямо въ уши: „отрекись
Отъ магіи, и возвратися къ Богу!“
Такъ. Фаустъ возвратится къ Богу.—Къ Богу?—
Тебя не любитъ Онъ,—и одному лишь
Ты служишь Богу—прихотямъ своимъ,
Гдѣ царствуетъ покорность Вельзевулу;
Ему построю я алтарь и церковь,
Ему я въ видѣ жертвы принесу
Кровь теплую дѣтей новорожденныхъ.

(Входятъ Добрый Ангелъ и Злой Ангелъ).

Добрый Ангелъ.

О милый Фаустъ, брось искусство это
Проклятое.

Фаустъ.

Молитвы, сокрушеніе,
Раскаяніе! Что въ нихъ?

Д О Б Р Ы Й А Н Г Е Л Ъ .

Въ нихъ, пути,
Что приведуть тебя отсюда къ Небу.

З л о й А н г е л ь .

Скорѣй обманъ, плоды воображенья,
Иллюзии безумья, отъ которыхъ
Глушбють тѣ, кто слѣпо вѣритъ въ нихъ.

Д О Б Р Ы Й А Н Г Е Л Ъ .

О милый Фаустъ, думай о небесномъ.

З л о й А н г е л ь .

Нѣтъ, Фаустъ, думай только объ одномъ:
О славѣ, о богатствѣ.

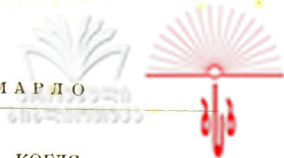
(Ангелы уходятъ).

Ф а у с т ь .

О богатствѣ!

И Эмденъ *) будетъ мнѣ принадлежать.—

*) Эмденъ приморскій торговый городъ близъ устья
Эмса, пользовавшійся большою извѣстностью въ эпоху
Елизаветы.

Какой же Богъ сразить меня, когда
Со мною рядомъ будетъ Мефистофель?
О Фаустъ, прочь боязнь, забудь сомнѣнья.
Приди ко мнѣ скорѣе, Мефистофель,
И радостную вѣсть мнѣ принеси
Отъ Люцифера мощнаго! Ужъ полночь.
Зову тебя! Приди же, Мефистофель!
Veni, veni, Mephistophile!

(Входитъ Мефистофель).

Что жъ говорить великій Люциферъ?

М Е Ф И С Т О Ф Е Л Ъ .

Онъ говоритъ, чтобъ Фаусту служилъ я
Всю жизнь,—когда онъ это пожелаетъ
Приобрѣсти цѣной своей души.

Ф А У С Т Ъ .

Ужъ Фаустъ для тебя дерзнулъ на это.

М Е Ф И С Т О Ф Е Л Ъ .

Но нужно, Фаустъ, сдѣлать завѣщанье
Формальное, и дарственную запись
Своею нужно кровью написать.
Для полной достовѣрности ты долженъ

Ему такой представить документъ.
А если ты не хочешь, такъ сейчасъ же
Я возвращаюсь въ адъ.

Ф а у с т ь.

Нѣтъ, подожди.
Постой, и объясни мнѣ, Мефистофель,
— Зачѣмъ ему нужна моя душа.

М е ф и с т о ф е л ь.

— Расширить царство.

Ф а у с т ь.

Это—есть причина,
Что онъ стремится такъ насъ искушать?

М е ф и с т о ф е л ь.

Solamen miseris socios habuisse doloris *).

† Ф а у с т ь.

Какъ, развѣ вы терзаетесь, какъ мы?
У васъ есть боль скорбей подобныхъ нашимъ?

*) Утѣшеніе для несчастныхъ — имѣть сотоварищей
въ скорби.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Такая жъ боль, скорбей такихъ же точно,
Какъ въ душахъ человѣческихъ. Но, Фаустъ
Скажи, ты душу мнѣ свою отдашь?
Отдашь,—тебѣ служить, какъ рабъ, я буду,
И больше дамъ, чѣмъ сможешь ты спросить.

ФАУСТЪ.

Конечно, Мефистофель, эту душу
Ты можешь взять.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Тогда, безъ колебаній,
Порань себѣ кинжаломъ руку, Фаустъ,
За душу поручись своею кровью,
Чтобъ въ нѣкій день великій Люциферъ
Могъ взять ее, какъ собственность. Исполни—
И будь великъ, какъ Люциферъ.

ФАУСТЪ (*нанося себѣ рану кинжаломъ*).

Гляди,
Я изъ любви къ тебѣ поранилъ руку,
И собственною кровію моею

Свидѣтельствую нынѣ, что навѣки
Моя душа принадлежитъ ему,
Верховному владыкѣ вѣчной ночи.
Да царствуетъ великій Люциферъ!
Смотри, какъ кровь струится, Мефистофель,
Пусть будетъ въ ней залогъ преуспѣнья
Для моего желанія.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Но, Фаустъ,
Ты дарственную запись напиши.

ФАУСТЪ.

Что жъ, хорошо. (*Пишетъ*). Но посмотри, кровь
стынетъ,
Я больше не могу писать.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Постой,
Я принесу огня, она растаетъ.
(*Уходитъ*).

ФАУСТЪ.

— Что это значить? Кровь остановилась!

Не хочеть, чтобъ я это написалъ?
Не хочеть снова течь живой струею;
Симъ Фаустъ душу отдаетъ тебѣ.
Здѣсь остановка. Почему же? Развѣ
Моя душа не мнѣ принадлежитъ?
Такъ напиши безъ колебаній снова:
Симъ Фаустъ душу отдаетъ тебѣ.

(Входитъ Мефистофель съ жаровней).

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Вотъ, Фаустъ, и огонь. Поди поближе.

ФАУСТЪ.

Опять течетъ свободно кровь моя,
Сейчасъ я кончу.

(Пишетъ).

МЕФИСТОФЕЛЬ (*въ сторону*).

Что бы я не сдѣлалъ,
Лишь только бѣ душу получить его!

ФАУСТЪ.

Ну! Consummatum est. Я ставлю точку.
Моей души наслѣдникъ—Люциферъ,

Симъ Фаустъ закрѣпляетъ завѣщанье.
Но на рукѣ моей я вижу надпись!
Вотъ! Номо fuge! Человѣкъ, бѣги!
Куда бѣжать мнѣ? Къ Богу? Онъ низринетъ
Меня въ пучины ада. Это чувства
Солгали сердцу. Надписи здѣсь нѣтъ.
И, между тѣмъ, отчетливо я вижу,
Вотъ буквы: Номо fuge! Да, но Фаустъ
Не убѣжитъ.

М Е Ф И С Т О Ф Е Л Ъ .

Достану что-нибудь,
Чтобъ умъ его веселіемъ развлекся.

(Уходитъ).

(Мефистофель возвращается съ дьяволами, которые даютъ Фаусту короны и богатая одежда, пляшутъ и удаляются).

Ф А У С Т Ъ .

Что это означаетъ, Мефистофель?

М Е Ф И С Т О Ф Е Л Ъ .

Да ничего, я только думалъ, Фаустъ,
Развлекъ твой умъ, и показать тебѣ,
Что магія даетъ возможность сдѣлать.

Ф а у с т ь .

Но духовъ я могу ли вызывать,
Когда ни захочу?

М е ф и с т о ф е л ь .

Еще бы, Фаустъ,
И многое, значительнѣй, чѣмъ это.

Ф а у с т ь .

О, если такъ, и тысячею душъ
Я отплатить за это не скупился бѣ.
Вотъ, Мефистофель, дарственная записка
На тѣло и на душу: свитокъ—твой.
Но только съ тѣмъ, что ты исполнишь точно
Все, что я здѣсь въ условьяхъ обозначилъ.

М е ф и с т о ф е л ь .

И Люциферъ и адъ—порука въ томъ,
Что я твои условья всѣ исполню.

Ф а у с т ь .

Такъ выслушай: я ихъ прочту тебѣ:
На слѣдующихъ условьяхъ: во-первыхъ, что

Фаустъ можетъ быть духомъ по образу и сущности; во-вторыхъ, что Мефистофель будетъ его слугой и будетъ ему повиноваться; въ-третьихъ, что Мефистофель будетъ дѣлать для него и доставать для него все, что онъ не пожелаетъ; въ-четвертыхъ, что онъ будетъ въ его комнатѣ или въ его домѣ, невидимымъ; наконецъ, въ-пятыхъ, что онъ будетъ являться поименованному Иоганну Фаусту во всякое время, во всякомъ образѣ и подобіи, какъ бы онъ ни пожелалъ;—я, Иоганъ Фаустъ, изъ Виттенберга, докторъ, отдаю на вышеозначенныхъ условіяхъ душу и тѣло Люциферу, князю Востока, и слугѣ его, Мефистофелю, и засимъ предоставляю имъ, по истеченіи двадцати четырехъ лѣтъ, при соблюденіи вышеозначенныхъ условій, послать за поименованнымъ Иоганномъ Фаустомъ, или взять его съ душой и тѣломъ, съ плотью, съ кровью и съ имуществомъ, въ ихъ обиталище, гдѣ бы оно ни было. Собственноручно,

Иоганнъ Фаустъ.

М е ф и с т о ф е л ь .

Ты отдаешь мнѣ эту записку, Фаустъ,
Какъ документъ, составленный тобой?

Ф А У С Т Ъ .

Бери, и пусть тебѣ поможетъ Дьяволъ!

М Е Ф И С Т О Ф Е Л Ъ .

Итакъ, скажи теперь, чего ты хочешь?

Ф А У С Т Ъ .

Хочу сперва спросить тебя объ адѣ.
Скажи мнѣ, гдѣ находится то мѣсто,
Что люди адомъ назвали?

М Е Ф И С Т О Ф Е Л Ъ .

Подъ небомъ.

Ф А У С Т Ъ .

Но гдѣ же точно?

М Е Ф И С Т О Ф Е Л Ъ .

Въ нѣдрахъ тѣхъ стихій,
Гдѣ мы скорбимъ и пребываемъ вѣчно;
У ада нѣтъ границъ; онъ не замкнутъ

Въ какомъ-нибудь одномъ и томъ же мѣстѣ;
Гдѣ—мы, тамъ—адъ, и тамъ, гдѣ адъ, мы—
вѣчно;

И потому, когда погибнетъ міръ,
И существа очистятся живыя,
Все, что не будетъ Небомъ, будетъ адомъ.

Ф а у с т ь .

Ну, полно, это выдумка одна.

М е ф и с т о ф е л ь .

Адъ—выдумка? Что жъ, думай такъ, пока
По опыту не перемѣнишь мнѣнья.

Ф а у с т ь .

И Фаустъ, значитъ, будетъ осужденъ?

М е ф и с т о ф е л ь .

О, это неизбѣжно: вотъ тотъ свитокъ,
Гдѣ Люциферу душу предалъ ты.

Ф а у с т ь .

Въ придачу къ ней и тѣло. Что же дальше?

Иль можетъ быть ты думаешь, что Фаустъ
Настолько глупъ, чтобъ ждаты за этой жизнью
Какихъ-нибудь еще иныхъ страданій?
Все это вздоръ, и сказки старыхъ бабъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Но, Фаустъ, предъ тобой живой примѣръ
Обратнаго: я осужденъ навѣки,
И я въ аду.

ФАУСТЪ.

Ты, осужденъ? Въ аду?

О, если *это* адъ,—готовъ охотно
Быть осужденнымъ! Какъ, быть на свободѣ,
Ходить и въ споръ вступать et cetera?
Да развѣ мало этого? Но кончимъ.
— Достань жену мнѣ, лучшую, какая
Есть дѣвушка въ Германіи. Ты знаешь,
Развратенъ я и чувствененъ, нельзя мнѣ
Быть безъ жены.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Какъ? Ты сказалъ: жену?

— Прошу тебя, впредь, Фаустъ, мнѣ объ этомъ
Ни слова больше.

Ф а у с т ь.

Милый Мефистофель,
Какъ хочешь, а одну имѣть я долженъ.
Достань одну.

М е ф и с т о ф е л ь.

Ну, хорошо, достану.
Побудь ты здѣсь, а я сейчасъ вернусь.
Найду тебѣ жену, свидѣтель—Дьяволъ!

(Уходитъ).

(Мефистофель возвращается съ дьяволомъ, одѣтымъ,
какъ женщина; фейерверкъ).

М е ф и с т о ф е л ь.

Ну, Фаустъ, какъ жену свою находишь?

Ф а у с т ь.

Чтобъ околѣть горячей потаскушкѣ!

М е ф и с т о ф е л ь.

Э, Фаустъ, бракъ—одна лишь церемонность,
Лишь вздорная игрушка. Если ты
Дѣйствительно меня немножко любишь,

Объ этомъ думать брось. Я для тебя
Сберу толпу красивыхъ куртизанокъ,
Красивѣйшихъ, и буду приводить ихъ
Къ твоей постели утромъ, ежедневно;
Какую пожелаешь, ту возьмешь,
Хоть будь она чиста, какъ Пенелопа,
И какъ царица Савская умна,
И такъ же ослѣпительно-прекрасна,
Какъ Люциферъ до своего паденья.
Вотъ эту книгу ты возьмешь себѣ,
Прочти ее и разсмотри подробно:

(Даетъ ему книгу)

Повторность въ сочетаньи этихъ линій
Рождаетъ злато; этотъ кругъ, когда
Ты на землѣ чертой его обозначишь,
Приноситъ вихри, молнію и громъ;
А это трижды про себя промолви
Благоговѣйно, — тотчасъ предъ тобой
Толпа вооруженная предстанетъ,
Чтобъ сдѣлать то, что пожелаешь ты.

Ф а у с т ъ.

Благодарю тебя, Мефистофель; но мнѣ очень хотѣлось бы имѣть такую книгу, гдѣ я могъ бы найти всѣ волшебные заговоры и заклина-

нія, чтобы я могъ вызыватьъ духовъ, когда ни захочу.

М Е Ф И С Т О Ф Е Л Ъ .

Вотъ они, здѣсь.

(Перевертываетъ страницу и показываетъ).

Ф А У С Т Ъ .

Теперь мнѣ хотѣлось бы еще имѣть книгу, гдѣ я могъ бы найти всѣ знаки и планеты небѣ, чтобы мнѣ можно было узнавать ихъ движенія и расположеніе.

М Е Ф И С Т О Ф Е Л Ъ .

Вотъ и они здѣсь.

(Перевертываетъ страницу и показываетъ).

Ф А У С Т Ъ .

Нѣтъ, ты дай мнѣ еще одну книгу,—и на этомъ я кончу,—книгу, гдѣ я могъ бы найти всѣ растенія, травы и деревья, какія только растутъ на землѣ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

И они тутъ есть.

ФАУСТЪ.

Вотъ это-то и неправда.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Будеть тебѣ, даю тебѣ слово.
(Перевертываетъ страницу и показываетъ).
(Уходитъ).

СЦЕНА 6-я.

(Входятъ Фаустъ и Мефистофель).

ФАУСТЪ.

И каждый разъ, какъ я взгляну на небо,
Раскаянье душой овладѣваетъ,
И я тогда готовъ тебя проклясть,
За то, что ты, презрѣнный Мефистофель,
Меня лишилъ восторговъ неземныхъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ну, полно, Фаустъ, ты повѣрилъ вправду,

Что Небо такъ блистательно? А я
Тебѣ скажу, оно и въ половину
Не такъ, какъ ты, красиво,—или каждый
Изъ тѣхъ людей, что дышатъ на землѣ.

Ф а у с т ь.

Какъ можешь доказать ты это?

М е ф и с т о ф е л ь.

Небо
Для человѣка создано, такъ значитъ,
На много онъ прекраснѣй, чѣмъ оно.

Ф а у с т ь.

Для человѣка создано, такъ, значитъ,
И для меня, итакъ,—я отрекусь
Отъ магіи, и во грѣхахъ раскаюсь.

(Входятъ Добрый Ангелъ и Злой Ангелъ)

Д о б р ы й А н г е л ь.

Раскайся, Фаустъ,—Богъ тебя проститъ.

З л о й А н г е л ь.

—Ты—духъ,—и Богъ проститъ тебя не можетъ.

Ф А У С Т Ъ .

Кто въ уши мнѣ нашептываетъ: «духъ»?
Будь дьяволъ я, все жъ Богъ найдетъ прощенье,
Богъ сжалятся, проститъ, когда раскаюсь.

З л о й А н г е л ь .

Но Фаустъ не раскается вовѣкъ.

(Ангелы уходятъ).

Ф А У С Т Ъ .

Да, сердце у меня ожесточилось,
Я не могу раскаяться. Едва
Скажу слова: «спасенье, вѣра, небо»,—
Въ раскатахъ грома слышу вопли эхо:
«Ты осужденъ! О Фаустъ! Осужденъ!»
И вижу я мечи, яды, кинжалы,
Передо мной отравленная сталь,
И ружья, и веревки въ видѣ петли,
Чтобъ могъ я отъ себя освободиться;
И я давно покончилъ бы съ собою,
Когда бы сладость чувственныхъ отрадъ
Отчаянья въ душѣ не побѣждала.
Не я ль велѣлъ,—и пѣлъ слѣпой Гомеръ
Эноны смерть и страсти Александра?

И онъ, строитель славный Фивскихъ стѣнъ,
Не восхитилъ ли слухъ мой звонкой арфой,
Мелодіей ея пѣвучихъ струнъ,—
И музыкѣ внималъ мой Мефистофель?
Зачѣмъ же смерть, отчаянье? О низость!
Нѣтъ, Фаустъ не раскается вовѣкъ.
Мое рѣшеніе твердо. Мефистофель,
Давай опять бесѣдовать съ тобою
О дивной астрологіи. Скажи мнѣ,
Тамъ, надъ луной, есть нѣсколько небесъ?
Скажи мнѣ, не однимъ ли плотнымъ шаромъ
Являются небесныя тѣла,
Въ чемъ сущность есть главнѣйшая у этой
Земли центральной?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Въ мірѣ столько жъ сферъ,
Какъ элементовъ, и они взаимно
Облечены другъ въ другъ, въ кругъ—кругъ,
И, Фаустъ,
Все вмѣстѣ—на одной и той же оси,
Въ движеніи быстромъ, а конецъ ея
Означенъ, какъ великій полюсъ міра.
И не пустая сказка—имена
Юпитера и Марса, и Сатурна,
А это все блуждающія звѣзды.

Ф А У С Т Ъ .

Но скажи мнѣ, одно ли у нихъ, у всѣхъ, движеніе *situ et tempore*? *)

М Е Ф И С Т О С Е Л Ъ .

Всѣ вмѣстѣ совершаютъ движеніе отъ востока къ западу въ двадцать четыре часа на полюсахъ міра; но различаются въ своемъ движеніи на полюсахъ зодіака.

Ф А У С Т Ъ .

Ты говоришь объ этихъ пустякахъ?
Пожалуйста, умолкни. Въ нихъ и Вагнеръ Достаточный судья. Иль Мефистофель Въ своихъ познаньяхъ дальше не ушелъ?
Ну, кто жъ, скажи, не знаетъ о планетахъ И ихъ двойномъ движеніи? Одно
Кончается въ теченье дня, другое...

Другое слѣдующимъ образомъ: Сатурнъ его кончаетъ въ тридцать лѣтъ; Юпитеръ въ двадцать; Марсъ въ четыре года; Солнце, Венера

*) Въ направленіи и скорости.

и Меркурій въ одинъ годъ; луна въ двадцать восемь дней. Э, братецъ, это мудрость для новичковъ. А ты скажи мнѣ, имѣетъ ли каждая сфера *власти* или *intelligentia*?

М Е Ф И С Т О Ф Е Л Ъ .

И м ѣ т ь .

Ф А У С Т Ъ .

Сколько же тамъ небесъ или сферъ?

М Е Ф И С Т О Ф Е Л Ъ .

Девять: семь планетъ, твердь и эмпирей.

Ф А У С Т Ъ .

Такъ. Разрѣши мнѣ теперь слѣдующій вопросъ: почему соединенія, противостоянія, аспекты *) и затменія не бывають всѣ въ одно время, а въ нѣкоторые годы ихъ бываетъ больше, въ другіе меньше?

*) Названія главныхъ положеній планетъ, солнца и мѣсяца, относительно зодіакальнаго круга.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Per inaequalem motum respectu totius *).

ФАУСТЪ.

Отлично. Скажи мнѣ теперь, кто создалъ міръ? (!)

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Не скажу.

ФАУСТЪ.

Милый Мефистофель, скажи мнѣ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Не приставай ко мнѣ, все равно не скажу.

ФАУСТЪ.

Негодяй, ты позабылъ, что ты обязанъ отвѣчать мнѣ на мои вопросы!

*) Благодаря неравенству движеній по отношенію ко всему.

М Е Ф И С Т О Ф Е Л Ъ .

Да, когда это не противъ нашего царства, какъ въ данномъ случаѣ. Думай объ адѣ, Фаустъ, ибо ты осужденъ.

Ф А У С Т Ъ .

Думай о Богѣ, Фаустъ, о Немъ, сотворившемъ міръ.

М Е Ф И С Т О Ф Е Л Ъ .

Такъ помни это.

(Уходитъ).

Ф А У С Т Ъ .

Ступай, проклятый духъ, въ свой гнусный адъ.
Ты осудилъ, лишь только ты, проклятый,
Духъ Фауста въ прискорбный мигъ паденья.
—Но, можетъ быть, ужъ слишкомъ поздно?
(Входятъ Добрый Ангелъ и Злой Ангелъ).

З л о й А н г е л ь .

Поздно!

ДОВРЫЙ АНГЕЛЪ.

О, никогда не слишкомъ поздно, Фаустъ,
Лишь могъ бы ты раскаяться.

Злой Ангелъ.

Раскайся,—
И дьяволами будешь ты разорванъ.

ДОВРЫЙ АНГЕЛЪ

Раскайся, и они тебя не тронуть.

(Уходятъ Ангелы).

ФАУСТЪ.

Спаситель мой, Христось, приди спасти
Духъ Фауста въ прискорбный мигъ паденья!

(Входятъ Люциферъ, Вельзевуль и Мефистофель).

ЛЮЦИФЕРЪ.

Христось твою спасти не можетъ душу,—
Онъ справедливъ; лишь я о ней забочусь.

ФАУСТЪ.

О кто ты, столь чудовищный по виду?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Я Люциферъ,
А это мой товарищъ—князь въ аду.

ФАУСТЪ.

О Фаустъ, за твоей душой явились!

ЛЮЦИФЕРЪ.

Явились мы сказать тебѣ, что ты
Наносишь намъ ущербъ; согласно слову,
Не можешь говорить ты о Христѣ;
Не помышляй о Богѣ, думай только
О Дьяволѣ.

ФАУСТЪ.

Прости меня, отнынѣ
Клянется Фаустъ—больше никогда ужъ
На Небеса свой взоръ не обращать,
И не молиться Богу,—Имя Божье
Не называть вовѣки, сжечь Его
Священное Писанье, убивать
Служителей Его, и, черезъ духовъ,
Подвластныхъ мнѣ, громить Господни церкви.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Сдѣлай такъ, и мы будемъ крайне тебѣ признательны. Фаустъ, мы пришли изъ ада, чтобы чѣмъ-нибудь развлечь тебя: присядь, и ты увидишь всѣ Семь Смертныхъ Грѣховъ въ ихъ надлежащемъ видѣ.

ФАУСТЪ.

Мнѣ такъ же будетъ дорогъ этотъ видъ,
Какъ рай Адаму въ первый день созданья.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Не разсуждай о раѣ и мірозданьи, смотри лучше на это зрѣлище: говори о Дьяволѣ и ни о чемъ иномъ: прочь!

(Входятъ Семь Смертныхъ Грѣховъ).

ЛЮЦИФЕРЪ.

Ну, Фаустъ, разузнай теперь ихъ имена и ознакомься съ ихъ склонностями.

ФАУСТЪ.

Ты кто—первая?

Гордость.

Я—Гордость. Гнушаюсь мыслью, что у меня есть какіе-нибудь родители. Я подобна овидіевой блохѣ *): я могу заползти въ любой уголокъ всякой дѣвицы; иногда, какъ парикъ, я возсѣдаю у нея на лбу; или, какъ опахало изъ перьевъ, цѣлую ея губы; и право же, я дѣлаю... да чего я только не дѣлаю? Но, фу! Какой здѣсь запахъ! Я не скажу больше ни слова, если полъ не усыплютъ благовоніями и не покроютъ его выстилкой изъ тканей.

Фаустъ.

Ты кто—вторая?

Алчность.

Я—Алчность. Я родилась въ старой кожаной мошнѣ, отъ стараго скряги; и если бы только мое желаніе могло исполниться, я пожелала бы, чтобы этотъ домъ и всѣ люди въ немъ обратились въ золото, чтобы мнѣ можно было

*) Намекъ на средневѣковую *Carmen de Pulice*, которая первоначально приписывалась Овидію.

его запереть въ мой добрый сундукъ. О милое, милое мое золото!

Ф а у с т ь.

Ты кто—третья?

Я р о с т ь.

Я—Ярость. У меня нѣтъ ни отца, ни матери: я выскочила изъ львиной пасти, когда мнѣ было всего полчаса отъ роду, и съ той поры я все бѣгаю назадъ и впередъ по міру, съ двумя рапирами, и наношу себѣ раны, когда мнѣ не съ кѣмъ драться. Я родилась въ аду, и вѣроятно, кто-нибудь изъ васъ былъ моимъ родителемъ.

Ф а у с т ь.

Ты кто—четвертая?

З а в и с т ь.

Я—Зависть. Я родилась отъ трубочиста и торговки устрицами. Я не умѣю читать, и потому хотѣла бы, чтобы всѣ книги были сожжены. Я тощаю, видя, какъ другіе ѣдятъ. О,

если бы весь міръ былъ охваченъ голодомъ, чтобы всѣ могли умереть, и только бы я одна жила! Тогда ты увидѣлъ бы, какъ я могу растолстѣть. Но ты будешь сидѣть, а я стоять! Тысячу проклятій на твою голову!

Ф а у с т ь .

Прочь, завистливая дрянь! Ты кто — пятая?

О б ъ я д е н і е .

Кто? Я? Я—Объяденіе. Родители мои всѣ умерли и ни гроша они мнѣ не оставили, чортъ бы ихъ побралъ, только скудное содержаніе: ѣду по тридцати разъ въ день и по десяти прокладительныхъ — сущіе пустяки, чтобы только ублаготворить природу. О, я вѣдь царскаго происхожденія! Мой дѣдушка—Свиной Окорокъ, моя бабушка—Бочка Кларета; мои крестные отцы—Петеръ Сельдь въ Пикуляхъ и Мартинъ Сушенная Солонина. Но крестная, вотъ моя крестная, такъ дѣйствительно была веселая госпожа, и по всѣмъ городамъ и селамъ ее весьма любили; она звалась Мистрисъ Марджері Мартовское Пиво. Вотъ, Фаустъ, ты те-

перь знаешь всѣхъ моихъ родственниковъ, не пригласишь ли ты меня теперь на ужинъ?

Ф а у с т ь.

Ну, ужъ нѣтъ, чтобы скорѣй тебя повѣсили: ты сожрешь всѣ мои внутренности.

Об ъ я д е н і е.

Чтобы тебя удавилъ Дьяволъ!

Ф а у с т ь.

Ты себя удави, обжора! Кто ты—шестая?

Л ѣ н ь.

Я—Лѣнь. Я родилась на солнечномъ берегу, и съ той поры всегда тамъ и лежала; и вы причинили мнѣ весьма большую непріятность, заставивъ меня явиться сюда: пусть меня доставятъ туда обратно Объяденіе и Распутство. Больше не скажу ни слова, хотя бы ради выкупа самого короля.

Ф а у с т ь.

А вы кто—госпожа жеманница, седьмая и послѣдняя?

↑ РАСПУТСТВО.

Кто—я? Я нѣкто, кому дюймъ сырой баранины милѣе, чѣмъ аршинъ вяленой трески; и первая буква моего имени начинается съ Распутства.

ЛЮЦИФЕРЪ.

По мѣстамъ! въ адъ! въ адъ! Ну, Фаустъ, какъ ты все это находишь?

(Грѣхи уходятъ).

ФАУСТЪ.

О, это настоящая услада для моей души!

ЛЮЦИФЕРЪ.

Э, Фаустъ! Какихъ только нѣтъ усладъ въ аду!

ФАУСТЪ.

О, если бы я могъ увидѣть адъ,
И вновь вернуться,—это было бъ счастьемъ!

ЛЮЦИФЕРЪ.

И ты его увидишь; ровно въ полночь

Я за тобой пришлю; пока возьми
 Вотъ эту книгу; ознакомься съ нею
 Внимательно, и ты получишь власть
 Въ какой угодно формѣ появляться.

Ф а у с т ь .

Благодарю, могучій Люциферъ!
 Какъ жизнь мою, ее хранить я буду.

Л ю ц и ф е р ь .

Такъ до свиданья, Фаустъ, думай только
 О Дьяволѣ.

Ф а у с т ь .

Великій Люциферъ,

Я жду!

(Люциферъ и Вельзевулъ уходятъ).

Идемъ со мною, Мефистофель!

(Уходятъ).

(Входитъ хоръ).

Х о р ь .

Ученый Фаустъ,
 Чтобъ тайны астрономіи узнать,

Записанныя въ книгѣ вышней тверди
Юпитера, вознесся ввысь, возжаждавъ
Достигнуть до Олимпа, возсѣдая
Въ блистательно-горящей колесницѣ,
Могучими драконами влекомой,
Ихъ шей, тѣсно схваченной ярмомъ.
А нынѣ вновь онъ странствуетъ, дабы
Извѣдать космографію. Сначала
Какъ думаю, онъ въ Римъ свой путь направитъ,
Чтобъ видѣть Папу, дворъ и торжества,
Устроенныя въ день Петра Святого,
Что празднуется пышно до сихъ поръ *).
(Уходить).

*) Въ изданіи 1616-го года монологъ хора имѣетъ та-
кой видъ:

Ученый Фаустъ.

Чтобъ тайны астрономіи познать,
Записанныя въ книгѣ вышней тверди
Юпитера, вознесся ввысь, возжаждавъ
Достигнуть до Олимпа; тамъ, въ своей
Блистательно-горящей колесницѣ,
Могучими драконами влекомой,
Ихъ шей, тѣсно схваченной ярмомъ,
Онъ видитъ тучи, звѣзды и планеты,
Тропическія зоны, части неба,
Отъ круга яркаго луны двурогой
До высшей точки Primum Mobile;
И, вмѣстѣ съ той окружностью вращаясь,
Во впадомъ кругъ полюса, драконы

СЦЕНА 7-я.

(Входятъ Фаустъ и Мефистофель).

ФАУСТЪ.

Ну вотъ, теперь, мой добрый Мефистофель,
Съ восторгомъ обозрѣвши городъ Триръ,
Верхами горъ воздушныхъ окруженный,
Стѣнами опоясанный изъ камня
И цѣпью рововъ окопанный глубоко,—
Въ угрозу чужеземнымъ королямъ;
Затѣмъ Парижъ покинувши съ тобою
И обогнувши Францію по краю,—
Мы видѣли, какъ Майнъ впадаетъ въ Рейнъ,
Чьи берега обсажены роскошно
Садами виноградниковъ; потомъ
Въ богатую Кампанію, въ Неаполь
Направились, гдѣ пышные дома,
Роскошные для глазъ, и стройность улицъ,

Легко скользятъ на западъ отъ востока,
И въ восемь дней онъ дома. Но не долго
У мирнаго сидѣлъ онъ очага,
Немного онъ костямъ своимъ усталымъ
Даль отдохнуть отъ тяжести пути;
Его ужъ манять новыя дѣянья:
И на спину дракона онъ взошелъ,
Чтобъ крыльями его разрѣзать воздухъ,
И вотъ онъ снова странствуетъ, дабы

И выстилка изъ тонкихъ кирпичей,
Весь городъ на четыре части дѣлать,
Между собою равныя; гробницу
Ученаго Маррона, золотую,
Мы осмотрѣли тамъ: проходъ средь скалъ,
На англійскую милю, путь, который
Въ теченіе одной онъ ночи сдѣлалъ *);
Венеціи и Падуи оттуда
Достигли мы, и прочихъ городовъ;
Въ одномъ изъ нихъ роскошный храмъ воз-
двигнутъ,
Своей вершиной звѣздамъ онъ грозитъ.
Такъ Фаустъ время проводилъ донинѣ.
Но гдѣ теперь устроимъ мы привалъ?
Скажи мнѣ, ты, согласно указанью,
Меня привелъ въ ограду Римскихъ стѣнъ?

Извѣдать космографію, что мѣритъ
Предѣлы царствъ земныхъ и побережья.
Какъ думаю, сперва онъ въ Римъ прибудетъ,
Чтобъ видѣть Папу, дворъ,—и въ торжествахъ
Принять участие, празднуемыхъ съ пышнымъ
Великолѣпьемъ въ день Петра Святого.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что этотъ отрывокъ, исполнен-
ный такой пышной красоты и столь гармонирующей съ
обычными приемами Марло, является подлиннымъ.

*) Въ средніе вѣка Виργилій считался магомъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Да, Фаустъ, и для бѣльшаго удобства я занялъ внутренніе покои его святѣйшества.

ФАУСТЪ.

Надѣюсь, что его святѣйшество встрѣтитъ насъ радушно.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Какое, братецъ, до этого намъ дѣло, мы не будемъ отъ него дожидаться приглашеній. Теперь же, Фаустъ, чтобъ ты могъ увидѣть, Чѣмъ можетъ Римъ порадовать тебя, Узнай, что на семи холмахъ стоитъ онъ, Они его основамъ—какъ твердыня; Какъ разъ посерединѣ льется Тибръ И городъ раздѣляетъ на двѣ части Извивами зеленыхъ береговъ; Черезъ рѣку идутъ четыре моста И дѣлаютъ свободнымъ переходъ Изъ каждой части города въ другую; Одинъ зовется Ponte Angelo,— На немъ могучій замокъ, а внутри, Въ его стѣнахъ, такая масса пушекъ,

Двойныхъ, рѣзныхъ, что ихъ число равно
Со счетомъ дней законченнаго года;
А близъ воротъ громады пирамидъ *);
Изъ Африки привезъ ихъ Юлій Цезарь.

Ф а у с т ь.

Клянусь же мощной властью адскихъ силъ,
Теченьемъ Ахерона, Стикса, влагой
Всегда горящей бездны Флегетона,—
Я жажду видѣть зданья и холмы
Блистательно-сіяющаго Рима.
Идемъ, скорѣй.

М е ф и с т о ф е л ь.

Нѣтъ, Фаустъ, подожди:
Ты будешь радъ, я знаю, видѣть Папу
И пышный праздникъ въ честь Петра Святого;
Передъ тобой предстанетъ цѣлый полкъ
Плѣшивыхъ, гладко-выбритыхъ монаховъ,
Чье шумитъ вопитъ—брюхо усладить.

Ф а у с т ь.

Я очень радъ потѣшиться надъ ними,

*) Очевидно, здѣсь разумѣлись обелиски.

Заставить ихъ отъ страха ошалѣть.
Такъ зачаруй меня, мой Мефистофель,
Чтобъ я невидимъ былъ ни для кого,
Пока мы будемъ здѣсь, въ предѣлахъ Рима.
(Мефистофель зачаровываетъ его).

М Е Ф И С Т О Ф Е Л Ъ .

Ну, Фаустъ, что захочешь, то и дѣлай, —
Теперь тебя не различить никто.

(Раздаются трубные звуки. Входятъ Папа и Кардиналъ Лотарингій, направляясь къ пиршественной трапезѣ; ихъ сопровождаютъ монахи).

П А П А .

Владыко Лотарингій, соблаговолите приблизиться.

Ф А У С Т Ъ .

Да, да, принимайтесь за дѣло, и удави васъ дьяволъ, если что-нибудь вамъ достанется.

П А П А .

Что? Кто говорилъ? Братіе, оглядитесь кругомъ.

ПЕРВЫЙ МОНАХЪ.

Съ соизволенія вашего святѣйшества, здѣсь нѣтъ никого.

ПАПА.

Вотъ, владыко, превкусное блюдо, его послалъ мнѣ Епископъ Миланскій.

ФАУСТЪ.

Покорнѣйше благодарю.

(Утаскиваетъ блюдо).

ПАПА.

Это еще что? Кто утащилъ у меня блюдо? Нѣтъ никого? Владыко, это блюдо мнѣ послалъ Кардиналъ Флорентинскій.

ФАУСТЪ.

Вѣрно. Попробую.

(Утаскиваетъ блюдо).

ПАПА.

Какъ? Опять? Владыко, я выпью за здоровье вашей свѣтлости.

Ф а у с т ь.

Здоровье вашей свѣтлости!

(Утаскиваетъ бокаль).

К а р д и н а л ь Л о т а р и н г и и.

Владыко, это вѣрно какая-нибудь душа, только что ускользнувшая изъ чистилища, пришла просить отпущенія у вашего святѣйшества.

П а п а.

Можетъ быть, можетъ быть. Братіе, отслужите панихиду, дабы укротить ярость этого духа. Владыко, приступимъ опять къ трапезѣ.

(Папа крестится).

Ф а у с т ь.

Вы креститесь? Я вамъ рекомендую
Оставить эти шалости.

(Папа снова крестится).

Опять!

Остерегитесь въ третій разъ креститься.

Даю вамъ самый искренній совѣтъ.

(Папа крестится, Фаустъ даетъ ему пощечину; всѣ разбѣгаются).

Ну, Мефистофель, что жъ мы будемъ дѣлать?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Право, не знаю. Мы будемъ прокляты съ колокольнымъ звономъ, пѣніемъ и свѣчами.

ФАУСТЪ.

Какъ? Колоколъ и пѣніе, и свѣчи!
Звонъ, пѣніе, и снова тѣ же рѣчи,—
Чтобы Фауста проклятемъ въ адъ послать!
Итакъ, сейчасъ телецъ начнетъ мычать,
Захрюкаетъ свинья, осель застонетъ,
Со всѣхъ церковныхъ башенъ затрезвонятъ.
Сегодня день Петра.
Ну! ну! Скорѣй, пора!

(Возвращаются монахи чтобы отслужить панихиду).

ПЕРВЫЙ МОНАХЪ.

Братіе, приступимъ съ благоговѣніемъ!

(Поютъ).

Будь проклятъ тотъ, кто со стола похитилъ яство его святѣйшества! *Maledicat Dominus!*

Будь проклятъ тотъ, кто по лицу ударилъ его святѣйшество! *Maledicat Dominus!*

Будь проклятъ тотъ, кѣмъ былъ по головѣ ударенъ братъ Сандело!
Maledicat Dominus!

Будь проклятъ тотъ, кто нарушаетъ святость
нашей панихиды! Maledicat Dominus!

Будь проклятъ тотъ, кто со стола унесъ вино
его святѣйшества! Maledicat Dominus!

(Мефистофель и Фаустъ бьютъ монаховъ, бросаютъ среди
нихъ фейерверки и уходятъ).

(Входитъ хоръ).

Х О Р Ъ.

Увидѣвъ много рѣдкостныхъ вещей
И посѣтивъ дворы владыкъ могучихъ,
Свои скитанья Фаустъ завершилъ.
И вотъ онъ дома; здѣсь всѣ тѣ, которымъ
Отсутствіе его внушало скорбь,—
Товарищей его я разумѣю
И всѣхъ друзей,—привѣтствуютъ его
Словами дружбы, радуясь, что снова
Онъ—между ними цѣль и невредимъ.
Подробно обсуждая приключенья,
Что съ нимъ случились въ странствіяхъ его
По воздуху и въ мірѣ, съ любопытствомъ
Они ему вопросы предлагаютъ
Изъ сферы астрологій, и онъ
Отвѣтилъ имъ съ ученостью такою,
Что изумились всѣ его уму.

По всѣмъ краямъ о немъ вѣщаетъ слава.
Среди другихъ, есть также императоръ,
Карль Пятый, въ чьемъ блистательномъ дворцѣ,
Средь знатныхъ, окруженъ вниманьемъ Фаустъ.
Что совершилъ онъ тамъ, чтобъ доказать имъ
Могущество искусства своего,
Объ этомъ ничего не говорю я,—
Пусть все увидитъ въ дѣйствии вашъ взоръ.
(Уходитъ).

СЦЕНА 8-я.

(Входитъ Робинъ, конюхъ постоялаго двора, съ книгой
въ рукѣ *).

Робинъ.

Это изумительно! Я стянулъ одну изъ заклинательныхъ книгъ доктора Фауста, и ей-богу же, я найду здѣсь какіе-нибудь круги для моей собственной надобности. Всѣхъ дѣвицъ нашего прихода я заставлю теперь плясать по моей дудкѣ, прямо нагишомъ; то-то я насмотрюсь всякой всячины, чего мнѣ и не снилось!

(Входитъ Ральфъ и зоветъ Робина).

*) Сцена происходитъ на дворѣ, у харчевни.

Ральфъ.

Робинъ, прошу тебя, ступай отсюда: тамъ одинъ господинъ ждетъ своей лошади и требуетъ, чтобъ всѣ его вещи были вычищены; поднялъ изъ-за этого цѣлую свару съ моей женой; она меня послала за тобою; ступай, пожалуйста.

Робинъ.

Подальше, подальше, а не то вы взлетите на воздухъ, вы будете разорваны на куски, Ральфъ подальше, говорю я,—я приготавливаю чудовищную машину.

Ральфъ.

Ну, будетъ тебѣ, Что ты дѣлаешь съ этой книгой? Вѣдь, ты не умѣешь читать.

Робинъ.

Умѣю. И мой хозяинъ, и моя хозяйка въ этомъ убѣдятся: онъ—пощупавъ свой лобъ, а она—въ своей укромной комнатѣ; ея природныя качества таковы, что она должна меня выдержать, а не то—пропадай мое искусство.

Р а л ь ф ъ .

Р о б и н ъ , что это за книга?

Р о б и н ъ .

Что за книга? Пренесноснѣйшая изъ заклинательныхъ книгъ, какія когда-либо были выдуманы сѣрымъ дьяволомъ.

Р а л ь ф ъ .

И ты можешь заклинать по ней?

Р о б и н ъ .

Все, что угодно, и съ легкостью необыкновенной; во-первыхъ, я могу сдѣлать такъ, что въ любомъ изъ кабаковъ всей Европы ты даромъ напьешься до-пьяна ишпокрасомъ *),—вотъ одно изъ моихъ заклинательныхъ дѣяній.

Р а л ь ф ъ .

Нашъ приходскій пасторъ говоритъ, что это пустяки.

*) Hippocrates—лѣкарственное питье, приготовляемое обыкновенно изъ краснаго вина, иногда изъ бѣлаго, съ прибавленіемъ сахара и пряностей.

Робинъ.

Вѣрно, Ральфъ; и еще больше; если у тебя есть какіе-нибудь планы касательно нашей судомойки Нанъ Спитъ, ты можешь, въ полночь, вертѣть ее и такъ и сякъ, примѣнить ее для своего собственнаго употребленія.

Ральфъ.

О честный Робинъ, я буду имѣть Нанъ Спитъ, и для моего собственнаго употребленія? На такомъ условіи я буду безвозмездно цѣлую жизнь кормить твоего дьявола лошадинымъ хлѣбомъ *).

Робинъ.

Ни слова болѣе, мой милый Ральфъ, — пойдемъ и вычистимъ наши сапоги: они у насъ въ зубахъ навязли, а потомъ за дѣло, — къ нашимъ заклинаніямъ, во имя дьявола.

(Уходятъ).

† *) Въ старинной Англіи было распространеннымъ обычаемъ кормить лошадей хлѣбомъ.

СЦЕНА 9-я.

(Входит Робинъ и Ральфъ съ серебрянымъ кубкомъ).

Р о б и н ъ.

Вотъ видишь, Ральфъ, не говорилъ ли я тебѣ, что съ этой книгой доктора Фауста наши дѣла разъ навсегда устроились. Ессе signum! Для конюховъ здѣсь прямо кладъ: лошади у насъ не будутъ ѣсть сѣна все время, пока это продолжается.

Р а л ь ф ъ.

Но, Робинъ, смотри, къ намъ идетъ трактирщикъ.

Р о б и н ъ.

Тсс! я его надую самымъ сверхъестественнымъ образомъ.

(Входитъ трактирщикъ).

Р о б и н ъ.

Человѣкъ, по счету, надѣюсь, все уплачено. Да сохранить васъ Богъ. Ральфъ, идемъ.

Т р а к т и р щ и к ъ .

Потише, господинъ. Мнѣ нужно сказать вамъ словечко. Прежде чѣмъ уйти, не угодно ли вамъ заплатить за кубокъ.

Р о б и н ъ .

Я? Кубокъ? Ральфъ! Я! Кубокъ! Презираю васъ, милостивый государь, вы не болѣе какъ...*). *Израильтини*
Я! Кубокъ! Общайте меня.

Т р а к т и р щ и к ъ .

Съ вашего позволенія, и очень охотно.
(Обыскиваетъ его).

Р о б и н ъ .

Ну-съ, что вы теперь скажете?

Т р а к т и р щ и к ъ .

Я долженъ сказать два слова вашему товарищу. За вами очередь, сударь.

*) Актеру предоставлялось сказать фразу по своему усмотрѣнію.

Р а л ь ф ь .

За мной, вы сказали! За мной, вы сказали! Ищите на здоровье. (*Трактирщикъ обыскиваетъ его*). Ну, сударь, теперь да будетъ вамъ стыдно, что вы обвиняете честныхъ людей въ подобныхъ вещахъ!

Т р а к т и р щ и к ъ .

Какъ ни какъ, а это вѣрно, что кубокъ у одного изъ васъ.

Р о б и н ъ .

Человѣкъ, вы лжете, онъ не у, а *передъ*. (*Въ сторону*).—Ахъ, негодяй, я же васъ проучу! Обвинять честныхъ людей! Сейчасъ! Я васъ вышколою за этотъ кубокъ. Прочь отсюда и подальше, приказываю вамъ во имя Вельзевула.—Береги кубокъ, Ральфъ.

(Въ сторону къ Ральфу).

Т р а к т и р щ и к ъ .

Что это значить, любезнѣйшій?

Р О Б И Н Ъ .

Я вамъ сейчасъ скажу, что это значитъ. (*Читаетъ по книгѣ*). Sanctobulorum Periphrasticon.— Нѣтъ, вамъ сейчасъ будетъ щекотно, господинъ трактирщикъ.— Береги кубокъ, Ральфъ.

(Въ сторону къ Ральфу).

(*Читаетъ*). Poiypragmos Belseborams framanto pacostiphos tostu, Mephistophilis, etc.

(Входитъ Мефистофель, приставляетъ имъ шутихи къ спинамъ, и уходитъ. Они начинаютъ бѣгать).

Р А Л Ъ Ф Ъ .

Peccatum peccatorum! Вотъ твой кубокъ, добрый трактирщикъ.

(Отдаетъ кубокъ трактирщику, тотъ уходитъ).

Р О Б И Н Ъ .

Misericordia pro polis! Что намъ дѣлать? Добрый Дьяволъ, прости меня, и я больше никогда не буду обкрадывать твою библіотеку.

(Мефистофель возвращается).

М Е Ф И С Т О Ф Е Л Ъ .

Властитель ада, я къ тебѣ взываю,—

Предъ чьимъ величьемъ чернымъ полны страха,
Колѣнопреклоненныя, простерлись
Великія владычества,—на чьихъ
Могучихъ алтаряхъ лежатъ, какъ жертвы,
Безчисленные сонмы душъ,—зачѣмъ
Меня терзаютъ чары этихъ низкихъ?
Я былъ въ Константинополѣ, и вдругъ
По прихоти какихъ-то осужденныхъ,
Какихъ-то подло-рабскихъ душъ,—я здѣсь!

Р о б и н ъ.

Какъ, вы прямо изъ Константинополя? Хорошее путешествіе! Неудобно ли вамъ получить шесть пенсовъ, чтобы заплатить за вашъ ужинъ, и снова въ путь!

М е ф и с т о ф е л ь.

Хорошо же, мерзавцы, за вашу дерзость я васъ превращаю: тебя въ обезьяну, а тебя въ собаку, и—маршъ!

(Уходитъ).

Р о б и н ъ.

Какъ? Въ обезьяну? Это славно. То-то я по-

забавлюсь съ малолѣтними. Досыта поѣмъ и орѣховъ, и яблоковъ.

РАЛЬФЪ.

А мнѣ придется быть собакой.

РОБИНЪ.

Да, надѣюсь, не оторвать тебѣ своей головы отъ суповой миски.

(Уходятъ).

СЦЕНА 10-я.

(Входятъ императоръ, Фаустъ и рыцарь, со свитой *).

ИМПЕРАТОРЪ.

Мейстеръ докторъ Фаустъ, я слышалъ странные рассказы о твоихъ познаніяхъ въ черно-книжіи,—говорять, что будто бы нѣтъ никого въ моей имперіи, ни даже въ цѣломъ мірѣ, кто могъ бы сравниться съ тобой по рѣдкостнымъ магическимъ дѣйствіямъ; говорятъ, что при тебѣ всегда состоитъ какой-то духъ, черезъ кото-

раго ты можешь совершать все, что ни пожелаешь. Прошу тебя поэтому о слѣдующемъ: дай мнѣ увидѣть какое-нибудь доказательство твоего искусства, чтобы мои глаза могли подтвердить свидѣтельствомъ то, что уши мои слышали рассказаннымъ; и клянусь тебѣ здѣсь, честью моей императорской короны, что, чтобы ты ни сдѣлалъ, это не послужитъ тебѣ ни въ ущербъ, ни въ осужденіе.

Рыцарь.

Что вѣрно, то вѣрно, по виду онъ настоящій заклинатель.

(Въ сторону).

Фаустъ.

Мой милостивый повелитель, хотя я долженъ признать себя менѣ сильнымъ, чѣмъ обо мнѣ возвѣщаютъ рассказы людей, и отнюдь не соотвѣтствующимъ чести вашего императорскаго

*) Сцена происходитъ въ одномъ изъ покоевъ императорскаго дворца. Значительная часть текста этой сцены близко заимствована изъ прозаической *Истории д-ра Фауста*.

величества, но такъ какъ любовь и долгъ обязываютъ меня, я буду радъ сдѣлать все, что ваше величество ни прикажетъ мнѣ.

ИМПЕРАТОРЪ.

Тогда замѣть, что я тебѣ скажу.
Нерѣдко, докторъ Фаустъ, какъ сижу я
Одинъ въ моемъ рабочемъ кабинетѣ,
Различныя меня волнуютъ мысли:
О чести предковъ, какъ они чрезъ доблесть
Свершили рядъ всѣхъ этихъ славныхъ дѣлъ,
Приобрѣли подобныя богатства,
И покорили столько разныхъ царствъ,
Что мы, пріявъ все это по наслѣдству,
Иль тѣ, что намъ преемниками будутъ
И нашъ престолъ займутъ, боюсь, не смогутъ
Ужъ больше никогда достигъ такого
Высокаго могущества и славы.
Межъ тѣхъ владыкъ былъ Александръ Великій,
Главнѣйшее изъ зрѣлицъ превосходства,
Чье свѣтлое сіяніе славныхъ дѣлъ
Своими отраженными лучами
Блестаетъ міру такъ, что каждый разъ,
Когда о немъ лишь только упомянуть,
Душа моя печалится глубоко,

Что никогда его, какъ человѣка,
Я не видалъ. И если, вправду, ты
Лукавствомъ своего искусства можешь
Содѣлать такъ, чтобъ этотъ мужъ возсталъ
Изъ темныхъ впалыхъ сводовъ подъ землею,
Гдѣ погребенъ завоеватель славный,
И вмѣстѣ съ нимъ воззвать одновременно
Прелестную любовницу его,
Обоихъ въ надлежащихъ имъ одеждахъ,
Въ томъ видѣ и съ движеньями такими,
Какъ было то во времена ихъ жизни,—
Достигнешь ты двойаго: исполнишь
Законное желаніе мое,
И дашь возможность мнѣ, пока живу я,
Тебя хвалить высокою хвалою.

Ф а у с т ъ.

Милостивый мой повелитель, я готовъ исполнить ваше желаніе, въ той мѣрѣ, насколько это позволятъ мнѣ мое искусство и сила подвластнаго мнѣ духа.

Р ы ц а р ь.

Это-то ужъ, по-истинѣ, ровно ничего не стоитъ.

(Въ сторону).

Ф а у с т ь .

Но, съ соизволенія вашей свѣтлости, не въ моей власти представить передъ вашими глазами эти двѣ усопшія царственныя особы въ ихъ дѣйствительной истинной тѣлесности, ибо онѣ давно уже превратились въ прахъ.

Р ы ц а р ь .

А, мейстеръ докторъ, вотъ клянусь, подлинное свидѣтельство благодати, что вамъ угодно говорить правду.

(Въ сторону).

Ф а у с т ь .

Но такіе духи, которые будутъ, какъ двѣ капли воды, похожи на Александра Великаго и его возлюбленную, предстанутъ передъ вашей свѣтлостью, въ томъ видѣ, какъ они существовали въ дѣйствительности, въ самую цвѣтущую ихъ пору; и, смѣю думать, что ваше императорское величество будетъ вполне этимъ удовлетворено.

ИМПЕРАТОРЪ.

Къ дѣлу, мейстеръ докторъ, дайте мнѣ ихъ увидѣть немедленно.

РЫЦАРЬ.

Вотъ какъ, мейстеръ докторъ! Вы вызовете Александра Великаго и его возлюбленную передъ императоромъ!

ФАУСТЪ.

Отчего же нѣтъ?

РЫЦАРЬ.

Ну, это такъ же вѣрно, какъ то, что Діана обратила меня въ оленя!

ФАУСТЪ.

Не вполнѣ; но когда Актеонъ умеръ, онъ оставилъ вамъ рога. Мефистофель, маршъ!

(Мефистофель уходитъ).

РЫЦАРЬ.

Слуга покорный, если вы приступаете къ заклинаніямъ, я ухожу.

(Уходитъ).

Ф а у с т ь.

Вы меня прерываете. Хорошо, я сейчас по-квитаюсь съ вами. Вотъ они, мой милостивый повелитель.

(Входитъ Мефистофель съ духами, имѣющими видъ Александра Великаго и его возлюбленной).

И м п е р а т о р ь.

Мейстеръ докторъ, я слышалъ, что когда эта женщина жила, у нея на шеѣ была какая-то бородавка или родинка: какъ бы мнѣ узнать, такъ это или не такъ?

Ф а у с т ь.

Ваше величество можетъ смѣло подойти и посмотреть.

И м п е р а т о р ь.

Готовъ поклясться, что это не духи, а настоящія, дѣйствительныя тѣла двухъ этихъ усопшихъ царственныхъ особъ.

(Духи уходятъ).

Ф а у с т ь.

Не угодно ли теперь вашему величеству послать за рыцаремъ который только что былъ со мной такъ любезенъ?

И м п е р а т о р ь.

Пусть одинъ изъ васъ позоветъ его!

(Уходитъ одинъ изъ свиты).

(Входитъ рыцарь, на головѣ у него рога).

И м п е р а т о р ь.

Это что такое, господинъ рыцарь? Я думалъ, что ты холостякъ, а теперь оказывается, что у тебя есть жена, которая не только наставляетъ тебѣ рога, но и заставляетъ тебя ихъ носить. Пощупай-ка свою голову.

Р ы ц а р ь.

Отверженецъ проклятый, мерзкій песъ,
Возросшій гдѣ-нибудь въ глухой пещерѣ
Какой-нибудь чудовищной скалы!
Надъ рыцаремъ ты смѣешь издѣваться?
Наглець! Чтобъ ты сейчасъ исправилъ все!

ФАУСТЪ.

Потише, владѣтельный, потише; торопиться намъ некуда; быть можетъ, вы не забыли, любезнѣйшій, какъ вы впутались въ мою бесѣду съ императоромъ? Мнѣ кажется, мы теперь по квитались.

ИМПЕРАТОРЪ.

Добрый мейстеръ докторъ, прошу васъ, освободите его: онъ потерпѣлъ достаточную кару.

ФАУСТЪ.

Милостивый мой повелитель, не столько изъза оскорбленія, которое онъ мнѣ нанесъ въ вашемъ присутствіи, сколько съ цѣлью позабавить васъ чѣмъ-нибудь, Фаустъ достойнымъ образомъ поквитался съ этимъ заносчивымъ рыцаремъ: такъ какъ это—все, чего я желалъ, съ удовольствіемъ освобожу его отъ роговъ; и, господинъ рыцарь, впредь отзывайтесь объ ученыхъ почтительно. Мефистофель, превращеніе, живо! (*Мефистофель уничтожаетъ рога*). Теперь, мой добрый повелитель, исполнивъ свой долгъ, я почтительнѣйше прощаюсь съ вами.

И М П Е Р А Т О Р Ъ .

Прощайте, мастеръ докторъ; до ухода,
Награды щедрой ждите отъ меня.

(Уходятъ).

✓ _____
С Ц Е Н А 11-я.

(Входятъ Фаустъ и Мефистофель *).

Ф а у с т ъ .

Да, Мефистофель, неустанный бѣгъ,
Что время совершаетъ такъ спокойно,
Безмолвно, сокращая дни мои
И нить моей, еще цвѣтущей, жизни,
Зоветъ меня настойчиво къ расплатѣ
За этотъ рядъ моихъ послѣднихъ лѣтъ.
И потому, мой милый Мефистофель,
Спѣшимъ теперь скорѣе въ Виттенбергъ.

М е ф и с т о ф е л ь .

Какъ отправимся, на лошади или пѣшкомъ?

*) Сцена представляетъ изъ себя „зеленую красивую лужайку“, какъ на это указываетъ самъ Фаустъ. Она смѣняется комнатою въ домѣ Фауста, гдѣ онъ засыпаетъ въ своемъ креслѣ.

Фаустъ.

Нѣтъ, пока мы не пройдемъ эту красивую зеленую лужайку, я хочу идти пѣшкомъ.

(Входитъ лошадиный барышникъ).

Лошадиный барышникъ.

Вотъ уже цѣлый день, какъ я отыскиваю нѣ-когого мейстера Фустиана: чортъ возьми, вотъ и онъ! Да благословитъ васъ Богъ, мейстеръ докторъ!

Фаустъ.

Какъ, лошадиный барышникъ! Добро пожа-ловать!

Лошадиный барышникъ.

Дѣло-то вотъ въ чемъ: я принесъ вамъ со-рокъ долларовъ за вашу лошадь.

Фаустъ.

Нѣтъ, за эту цѣну я лошадь не продаю. Если дашь пятьдесятъ, тогда по рукамъ.

ЛОШАДИНЫЙ БАРЫШНИКЪ.

Не знаю ужъ, какъ мнѣ быть: у меня денегъ больше нѣтъ.—Прошу васъ, поговорите за меня.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Прошу васъ, отдайте ему лошадь: это честный малый, и у него большіе расходы, нѣтъ ни жены, ни дѣтей.

ФАУСТЪ.

Хорошо, давай деньги. (*Лошадиный барышникъ отдаетъ Фаусту деньги*). Мой слуга передастъ вамъ лошадь. Но я долженъ предупредить васъ объ одномъ, прежде чѣмъ вы ее получите: ни подъ какимъ видомъ не вѣзжайте на ней въ воду.

ЛОШАДИНЫЙ БАРЫШНИКЪ.

Какъ, сударь, она не пьетъ воды?

ФАУСТЪ.

Пить-то пьетъ, сколько угодно, но только не

въѣзжайте на ней въ воду: скачите на ней черезъ заборы и черезъ рвы, словомъ, гдѣ и какъ вамъ угодно, но только не въѣзжайте въ воду.

Л О Ш А Д И Н Ы Й Б А Р Ы Ш Н И К Ъ .

Слушаю, сударь. Ну, теперь я человѣкъ обезпеченный, и за восемьдесятъ долларовъ не продамъ я эту лошадь: если только у нея есть это, что называется—хэй-дингъ-дингъ, хэй-дингъ-дингъ,—славно я заживу на ней; задъ у нея гладкій, какъ уголь. *(Въ сторону).*—Да благословить васъ Богъ, сударь. Такъ пусть вашъ слуга передастъ мнѣ лошадь. Но только послушайте-ка, сударь. Если моя лошадь прихворнетъ или занеможетъ, вы мнѣ скажете, въ чемъ тутъ дѣло, когда я принесу вамъ ея мочу?

Ф а у с т ь .

Ступай прочь, негодяй! Ты что, думаешь, что я коноваль?

(Лошадиный барышникъ уходитъ).

Ф а у с т ь .

О, что ты, Фаустъ? Бѣдный осужденный,

Къ которому уже подходитъ смерть!
Идетъ къ концу губительное время.
Отчаянье тревожитъ мысль мою
Сомнѣньемъ подозрительнымъ. Погасимъ
Всѣ эти страсти сномъ невозмутимымъ.
Ужъ на крестѣ разбойникъ распятъ былъ,—
Христось позоваль его. Усни же, Фаустъ,
Не возмущай спокойствія души!

(Засыпаетъ въ креслѣ).

(Вбѣгаетъ лошадиный барышникъ, весь мокрый, и кричить).

Л О Ш А Д И Н Ы Й Б А Р Ы Ш Н И К Ъ .

Ай, батюшки, ай-ай-ай! Докторъ Фустіанъ!
Эй вы! Чортъ бы побралъ! Самъ докторъ Ло-
пусъ *) никогда не былъ такимъ докторомъ:
далъ мнѣ слабительное, и ослабилъ мою мощну
на сорокъ долларовъ; только я ихъ и видѣлъ!
Да и я-то былъ совсѣмъ осломъ, не хотѣлъ его
послушаться,— онъ мнѣ не велѣлъ вѣзжать въ
воду, а я думаю: нѣтъ, стой! вѣрно у моей ло-
шади какое-нибудь рѣдкостное качество, кото-
рое онъ захотѣлъ отъ меня утаить, и, какъ

*) Вѣроятно, докторъ Лопесъ, который былъ обвиненъ
въ желаніи отравить королеву Елизавету.

какой-нибудь молокососъ, поскакалъ на лошади прямо на конецъ города въ глубокій прудъ; не успѣлъ доплыть и до середины, глядь, лошади нѣтъ какъ нѣтъ, а я сижу на связкѣ сѣна, и въ жизнь мою я никогда такъ не былъ близко отъ опасности стать утопленникомъ. Но я же отыщу моего доктора! Я его заставлю отдать мнѣ мои сорокъ долларовъ! А не то, ему дорого обойдется эта лошадь!—А, да вонъ тамъ и его приспѣшникъ!—Эй вы! Господинъ плутъ! Гдѣ вашъ хозяинъ?

М е ф и с т о ф е л ь .

Что вамъ угодно, сударь? Вамъ нельзя съ нимъ говорить.

Л о ш а д и н ы й б а р ы ш н и к ъ .

Но я хочу съ нимъ говорить!

М е ф и с т о ф е л ь .

Невозможно,—онъ спитъ, какъ убитый. Придите какъ-нибудь въ другой разъ.

Лошадиный барышникъ.

Я хочу говорить съ нимъ сейчасъ, или я у него окна разобью надъ самымъ ухомъ.

Мефистофель.

Говорю тебѣ, что онъ не спалъ цѣлую недѣлю.

Лошадиный барышникъ.

Да, если бы онъ не спалъ цѣлыхъ восемь недѣль, я все-таки хочу говорить съ нимъ!

Мефистофель.

Вонъ смотри, видишь, какъ онъ спитъ.

Лошадиный барышникъ.

Такъ, такъ, это онъ! Да благословитъ васъ Богъ, мейстеръ докторъ, мейстеръ докторъ Фустіанъ!—Сорокъ долларовъ, сорокъ долларовъ за связку сѣна!

Мефистофель.

Видишь, онъ тебя не слышитъ!

ЛОШАДИНЫЙ БАРЫШНИКЪ.

Эй! го-го! Эй! го-го! *(Кричитъ ему въ ухо).*
Какъ, вамъ не угодно проснуться? Такъ я же
васъ разбужу, безъ того не уйду! *(Тащитъ Фа-*
уста за ногу и отрываетъ ее). Батюшки мои,
погибъ я теперь! Что мнѣ дѣлать?

ФАУСТЪ.

О нога, нога! Помоги, Мефистофель! Позови
скорѣе полицію! О нога, нога!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ну, мошенникъ, идемъ теперь въ полицію!

ЛОШАДИНЫЙ БАРЫШНИКЪ.

Ваша свѣтлость! Позвольте мнѣ уйти! Я вамъ
дамъ еще сорокъ долларовъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Гдѣ они?

ЛОШАДИНЫЙ БАРЫШНИКЪ.

Да они не при мнѣ. Пойдемте въ мою хар-
чевню, я вамъ ихъ тамъ отдамъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Живо, маршъ!

(Лошадиный барышникъ убѣгаетъ).

ФАУСТЪ.

Что, ушелъ? Прощай, любезнѣйшій! У Фауста нога опять на мѣстѣ, а лошадиному барышнику, такъ и быть, связка сѣна за хлопоты. Хорошо, за эту продѣлку онъ заплатитъ еще сорокъ долларовъ.

(Входитъ Вагнеръ).

ФАУСТЪ

Здравствуй, Вагнеръ, что новаго?

ВАГНЕРЪ.

Герцогъ Вангольтскій убѣдительно проситъ васъ не отказать ему въ вашемъ обществѣ.

ФАУСТЪ.

Герцогъ Вангольтскій! Благородный и почтенный человѣкъ. Съ нимъ я не буду скупиться на свои знанія. Идемъ къ нему, Мефистофель!

(Уходятъ).

СЦЕНА 12-я.

(Входятъ герцогъ Вангольтскій, герцогиня, Фаустъ и Мефистофель *).

ГЕРЦОГЪ.

Вѣрите, мейстеръ докторъ, эта забава весьма мнѣ понравилась.

ФАУСТЪ.

Милостивый мой повелитель, я очень радъ былъ доставить вамъ удовольствіе.—Но, быть можетъ, вамъ, моя повелительница это нисколько не понравилось? Я слышалъ, будто бы беременнымъ женщинамъ всегда хочется какихъ-нибудь лакомствъ, или чего-нибудь въ этомъ родѣ: чего бы вамъ хотѣлось, скажите мнѣ, и тотчасъ я вамъ это достану.

ГЕРЦОГИНЯ.

Благодарю васъ, добрый мейстеръ докторъ; и если ужъ дѣйствительно вы такъ любезны,

*) Сцена происходитъ при дворѣ герцога Ангальтскаго.

что хотите доставить мнѣ удовольствіе, я не скрою отъ васъ, что очень мнѣ хочется одного, — будь это лѣтомъ, а не въ январѣ, какъ теперь, не въ эту глухую пору зимы, ничего бы я такъ не хотѣла, какъ нѣсколько кистей спѣлаго винограда.

Ф а у с т ь.

О сударыня! Мнѣ просто жаль, что вы не хотите большаго: вѣдь, это сущіе пустяки. Мефистофель, живо! (*Мефистофель уходитъ*). Если бы вы пожелали чего-нибудь другого, гораздо болѣе значительнаго, вы тотчасъ же получили бы все, что вамъ заблагоразсудится, лишь бы это доставило вамъ удовольствіе.

(Входитъ Мефистофель съ виноградомъ).

Ф а у с т ь.

Вотъ вамъ и виноградъ, сударыня. Не угодно ли попробовать?

Г е р ц о г ъ.

Повѣрьте мнѣ, мейстеръ докторъ, больше чѣмъ на все остальное, дивлюсь я на то, что

въ такую глухую зимнюю пору, какъ мѣсяць январь, вы могли достать этотъ виноградъ.

Ф а у с т ь.

Съ соизволенія вашей свѣтлости, въ предѣлахъ всего міра годъ раздѣленъ на два круга, такъ, что когда у насъ зима, у нихъ, въ противоположномъ кругѣ, лѣто: какъ, на примѣръ, въ Индіи, въ Савей и въ болѣе далекихъ странахъ востока; и, какъ вы видите, я доставилъ вамъ этотъ виноградъ съ помощью быстрого духа.—Ну, какъ онъ вамъ нравится, сударыня?

Г е р ц о г и н я.

Вѣрьте мнѣ, мейстеръ докторъ, такого вкуснаго винограда еще ни разу въ жизни не приходилось мнѣ пробовать.

Ф а у с т ь.

Очень радъ, сударыня, что доставилъ вамъ удовольствіе.

Г е р ц о г ъ.

Теперь, наша супруга, предлагаю вамъ войти

во внутренніе покои, дабы достойнымъ образомъ наградить этого ученаго мужа за его великую къ вамъ доброту.

Герцогиня.

Да будетъ такъ, милостивый мой повелитель. Свидѣтельствую вамъ, что всю жизнь свою я буду вамъ признательна за эту любезность.

Фаустъ.

Почтительнѣйше благодарю вашу свѣтлость.

Герцогъ.

Пойдемте, мейстеръ докторъ, слѣдуйте за нами и получите ваше вознагражденіе.

(Уходятъ).

СЦЕНА 13-я *)

(Входитъ Вагнеръ).

Вагнеръ.

Я думаю, что господинъ мой вскорѣ
Намѣренъ умереть: мнѣ отдалъ все онъ

*) Эта сцена, равно какъ слѣдующая, происходитъ въ домѣ Фауста.

Имущество свое; и въ то же время,
Мнѣ кажется, будь смерть къ нему близка,
Не сталъ бы онъ такъ шумно веселиться,
И на пиры студентовъ созывать.
Вотъ даже и сейчасъ они сидятъ тамъ,
За ужиномъ, и бражничаютъ такъ,
Какъ Вагнеру и видѣть не случилось.
Идутъ. Должно быть, кончился ихъ пиръ.

СЦЕНА 14-я.

(Входятъ Фаустъ, съ двумя или тремя студентами, и Мефистофель).

ПЕРВЫЙ СТУДЕНТЪ.

Мейстеръ докторъ Фаустъ, послѣ нашей бесѣды о красивыхъ женщинахъ и о томъ, какая была прекраснѣйшей въ цѣломъ мѣрѣ, мы рѣшили между собой, что Елена Греческая была восхитительнѣйшей женщиной, какая когда-либо жила, и потому, мейстеръ докторъ, если вы пожелаете оказать намъ такую милость, дайте намъ увидѣть эту несравненную женщину Эллады, великолѣпную которой дивится цѣлый мѣръ, и мы будемъ считать себя крайне обязанными.

ФАУСТЪ.

Я знаю неподдѣльность вашей дружбы,
Друзья мои, и Фаустъ не имѣетъ
Привычки отвергать разумныхъ просьбъ—
Тѣхъ, кто къ нему относится сердечно,
И вы, сейчасъ же, видомъ насладитесь
Той несравненной женщины Эллады:
Она пройдетъ предъ вами не иначе,
Какъ въ той же красотѣ великолѣпной,
Какой она была, когда Парисъ
Съ ней пересѣкъ моря, везя добычу
Въ богатую Дарданію. Итакъ,
Теперь молчите, говорить опасно.

(Звучить музыка, Елена проходитъ по сценѣ).

ВТОРОЙ СТУДЕНТЪ.

Я слишкомъ простъ, чтобъ той вознестъ хвалы,
Чьей пышной красотѣ весь міръ дивится.

ТРЕТІЙ СТУДЕНТЪ.

И ничего нѣтъ дивнаго, что греки,
Охваченные гнѣвомъ, десять лѣтъ
Сражались за владычицу такую,
Чья красота—внѣ всякаго сравненья.

ПЕРВЫЙ СТУДЕНТЪ.

Увидѣвъ гордость лучшую природы,
Гармоніи единственный примѣръ,
Идемъ теперь отсюда; и за это
Дѣяніе преславное да будетъ
Благословенъ, блаженъ навѣки Фаустъ!

Ф А У С Т Ъ .

Друзья мои, прощайте,—и того же,
Что вы мнѣ пожелали, вамъ желаю.

(Студенты уходятъ).

(Входитъ старикъ).

С Т А Р И К Ъ .

О докторъ Фаустъ, если бы я могъ
Твои шаги вернуть къ дорогѣ жизни,
Гдѣ ты, идя по свѣтлому пути,
Достигъ бы до небеснаго покоя!
Пусть сердце разобьется у тебя,
Пусть льется кровь, смѣшай ее съ слезами
Тяжелаго раскаянья въ твоей
Нечистотѣ безбожной и гнуснѣйшей,
Чей смрадъ заполнилъ глубь твоей души,
Заразою грѣховъ такихъ смертельныхъ,

Такихъ противно-мерзкихъ преступлений,
Что въ мірѣ нѣтъ такого состраданья,
Чтобъ ихъ прогнать,—о Фаустъ, ничего нѣтъ,
Какъ только милосердіе Христа,
Чья кровь одна твою виновность смоетъ.

Ф а у с т ь.

О Фаустъ, гдѣ ты? Фаустъ, что ты сдѣлалъ?
Ты осужденъ! Отчайся и умри!
Ты осужденъ! И адъ зоветъ по праву!
Онъ съ воплемъ вторитъ: «Фаустъ, приходи,
Твой часъ уже приблизился!» И Фаустъ
Теперь свершитъ, что совершитъ онъ долженъ.
(Мефистофель даетъ ему кинжалъ).

С т а р и к ъ.

Стой, Фаустъ, стой, свой безразсудный шагъ
Замедли! Надъ твоею головою,
Я вижу, ангелъ съ чашею парить,
Она полна безцѣнной благодати,
Въ твой темный духъ ее излить онъ хочетъ:
Взывай же къ милосердыю, убѣгай
Отчаянья.

Ф а у с т ь.

Мой добрый, добрый другъ,

Твои слова приносятъ облегченье
Моей изнемогающей душѣ.
Оставь меня покуда, чтобы могъ я
Подумать о грѣхахъ своихъ.

С т а р и к ѣ .

О Фаустъ,
Я ухожу, но съ тяжестью на сердцѣ,
Мучительно тревожась за твою,
Отчаяньемъ охваченную душу.

(Уходитъ).

Ф а у с т ѣ .

Проклятый Фаустъ, гдѣ же ты найдешь
Прощеніе? Раскаяньемъ я полонъ,
И все жъ, еще сильнѣй меня томить
Отчаянье. Въ груди моей схватились
Въ борьбѣ жестокой адъ и благодать,
Такъ какъ же мнѣ избѣгнуть сѣти смертной?

М е ф и с т о ф е л ь .

А! Фаустъ! Ты — измѣнникъ. На твою
Предательскую душу налагаю
Арестъ за ослушанье моему

Верховному владыкѣ. Если только
Не возмутишься, разорву тебя.

Ф а у с т ь.

Нѣтъ, милый Мефистофель, попроси лишь
Владыку своего, чтобъ онъ простилъ
Мою самонадѣянность слѣпую,
И вновь я подтвержу моею кровью
Предъ Люциферомъ прежній мой обѣтъ.

М е ф и с т о ф е л ь.

Такъ поскорѣй же и чистосердечно,
Не то опасность ждетъ тебя большая.

Ф а у с т ь.

Прошу тебя, мой другъ, терзай и мучай
Страшнѣйшими мученьями, какія
Даетъ нашъ адъ, дряхлѣющаго старца,
Что съ Люциферомъ духъ мой разлучалъ.

М е ф и с т о ф е л ь.

Я не могу души его коснуться:
Онъ слишкомъ въ вѣрѣ твердъ, но все, что
можно,

Хоть мало можно, сдѣлаю насчетъ
Терзаній тѣла.

Ф А У С Т Ъ .

Добрый мой слуга,
Лишь объ одномъ тебя еще прошу я,
Чтобъ утишить пылъ сердца моего.
Пусть видѣнная мною такъ недавно,
Елена неземная станетъ мнѣ
Возлюбленной, чтобы ея объята
Могли во мнѣ навѣки погасить
Своею нѣгой мысли тѣ, что стали
Помѣхой для объѣта моего,—
Чтобъ я сдержалъ предъ Люциферомъ клятву.

М Е Ф И С Т О Ф Е Л Ъ .

Какъ это, такъ и все другое, Фаустъ,
Лишь пожелай, и я исполню вмигъ.

(Вновь появляется Елена).

Ф А У С Т Ъ .

Такъ вотъ оно, то самое лицо,
Что бросило на путь скитаній сонмы

Морскихъ судовъ могучихъ *) и сожгло
Вознесшіяся башни Иліона?

Елена, поцѣлуй меня! О, дай
Безсмертье мнѣ единымъ поцѣлуемъ!

(Цѣлуетъ ее).

Моя душа исторгнута ея
Устами; вотъ она летитъ, смотрите!—
Верни мнѣ душу, о, верни, Елена!
Здѣсь жить хочу, въ устахъ твоихъ, въ нихъ
Небо,

Все, что не есть Елена, сорный прахъ.
Парисомъ быть хочу, пусть вмѣсто Трои
Изъ-за любви къ тебѣ разграбленъ будетъ
Мой Виттенбергъ. Я кинусь въ грозный бой
Со слабымъ Менелаемъ, я украшу
Твоей цвѣтною лентою мой щитъ,
И Ахиллеса въ пятку поражу я,
И вновь къ тебѣ вернусь за поцѣлуемъ.
О, ты прекраснѣй, чѣмъ вечерній воздухъ,
Одѣтый въ красоту миллионовъ звѣздъ;

*) Шекспиръ, конечно, помнилъ эти слова, когда онъ писалъ объ Еленѣ въ „Троилъ и Крессидъ, а. II, сц. 2-я:

Жемчужина роскошная она,
Что бросила на путь скитаній сонмы
Морскихъ судовъ.

Свѣтлѣе, чѣмъ пылающій Юпитеръ,
Когда передъ Семелой онъ предсталъ;
Плѣнительнѣй, чѣмъ повелитель неба
Въ объятіяхъ лазурныхъ Аретузы.
Лишь ты одна возлюбленной мнѣ будешь!
(Уходятъ).

СЦЕНА 15-я.

(Входитъ старикъ). *)

Старикъ.

Проклятый Фаустъ, жалкій человекъ,
Бѣжавшій прочь отъ милосердья Неба,
Бѣжавшій прочь отъ Божьяго суда!
(Входятъ дьяволы).

Такъ вижу, Сатана меня задумалъ
Завлечь своею гордостью. Пусть вѣру
Глубокую мою—въ такомъ горнилѣ
Пытуетъ Богъ. О подлый адъ, я знаю,
Она восторжествуетъ надъ тобой!
Завистливые демоны, смотрите,
Какъ Небо насмѣхается надъ вами,

*) Дайси предпологаетъ, что сцена происходитъ въ домѣ старика, Булленъ—въ домѣ Фауста.

Надъ жалкимъ пораженьемъ вашихъ ковъ!
Прочь адъ! Отсюда прочь лечу я къ Богу.
(Уходятъ,—дьяволы въ одну сторону, старикъ въ другую).

СЦЕНА 16-я.

(Входитъ Фаустъ со студентами).

Ф а у с т ь .

О друзья мои!

П е р в ы й с т у д е н т ь .

Что съ тобой, Фаустъ?

Ф а у с т ь .

О милый товарищъ мой, если бъ я жилъ съ тобою неразлучно, я жилъ бы до сихъ поръ! А теперь я умираю навѣки. Посмотрите, онъ идетъ, онъ идетъ?

В т о р о й с т у д е н т ь .

Что Фаустъ хочетъ сказать?

ТРЕТІЙ СТУДЕНТЪ.

Вѣроятно, онъ захворалъ оттого, что жилъ слишкомъ уединенно.

ПЕРВЫЙ СТУДЕНТЪ.

О, если такъ, у насъ достаточно врачей, чтобы вылѣчить его. Это не что иное, какъ слѣдствіе пресыщенія. Побольше мужества.

ФАУСТЪ.

Да, пресыщеніе смертными грѣхами, отравившими навѣки и тѣло, и душу.

ВТОРОЙ СТУДЕНТЪ.

Ничего, Фаустъ. Устреми только взоръ на небеса: вспомни, Божье милосердіе безгранично.

ФАУСТЪ.

Но преступления Фауста никогда не могутъ быть прощены: змѣй, искусившій Еву, можетъ спастись, но не Фаустъ. О, выслушайте, выслушайте меня со вниманіемъ, и не трепещите

при моихъ словахъ! Хотя мое сердце бьется и дрожить при одномъ воспоминаніи, что я занимался здѣсь науками эти тридцать лѣтъ, но насколько лучше было бы, если бы никогда я не видѣлъ Виттенберга, никогда не читалъ книгъ! И какія чудеса я совершилъ, объ этомъ вся Германія можетъ свидѣтельствовать,—что Германія?—весь міръ. Но за это Фаустъ лишился и Германіи, и міра, и даже самого неба,—неба, гдѣ возсѣдаетъ Богъ, гдѣ тронъ благословенныхъ, гдѣ царство радости; я долженъ навсегда остаться въ аду! А! въ аду, въ аду навсегда! Милые друзья мои, что же будетъ съ Фаустомъ, когда онъ будетъ навсегда въ аду?

ТРЕТІЙ СТУДЕНТЪ.

Взывай къ Богу, Фаустъ.

Фаустъ.

Къ Богу, отъ котораго Фаустъ отрекся! Къ Богу, предъ которымъ Фаустъ кощунствовалъ! О, Господи, я хотѣлъ бы рыдать, но дьяволъ высушилъ мои слезы. Пусть брызнетъ кровь вмѣсто нихъ! Я готовъ отдать жизнь и душу!

А онъ удерживаетъ языкъ мой! Я хотѣлъ бы
воздѣть мои руки, но глядите, глядите: они
держатъ ихъ, они держатъ ихъ!

В с ъ.

Кто, Фаустъ?

Ф а у с т ъ.

Люциферъ и Мефистофель. О, если бы вы
только подозрѣвали: вѣдь, я имъ отдалъ за мои
знанія мою душу.

В с ъ.

Господи помилуй!

Ф а у с т ъ.

Господь запретилъ это; но Фаустъ это сдѣ-
лалъ: за двадцать четыре года суетныхъ на-
слажденій Фаустъ потерялъ вѣчную радость и
блаженство. Я написалъ имъ договоръ моею
собственною кровью: срокъ исполнился, часъ
придетъ, и онъ явится за мной.

ПЕРВЫЙ СТУДЕНТЪ.

Зачѣмъ же, Фаустъ, не сказалъ намъ объ этомъ раньше, чтобы священники могли помолиться за тебя?

Фаустъ.

Я не разъ уже объ этомъ думалъ, но дьяволъ грозилъ, что разорветъ меня на куски, если я назову имя Бога; грозилъ, что явится за моимъ тѣломъ и за моей душой, если я хоть разъ склоню свой слухъ къ религiи, а теперь ужъ поздно. Друзья мои, уходите отъ меня, не то вы можете со мной погибнуть.

ВТОРОЙ СТУДЕНТЪ.

Что бы намъ сдѣлать, чтобы спасти Фауста?

Фаустъ.

Не думайте обо мнѣ, спасите самихъ себя и уходите.

ТРЕТІЙ СТУДЕНТЪ.

Богъ укрѣпитъ меня. Я хочу остаться съ Фаустомъ.

ПЕРВЫЙ СТУДЕНТЪ.

Милый другъ, не искушай Бога; уйдемъ лучше въ сосѣднюю комнату и будемъ тамъ молиться за него.

Ф а у с т ь.

О, помолитесь за меня, помолитесь за меня! Если вы услышите какой-нибудь шумъ, не приходите ко мнѣ, потому что ничто меня не можетъ спасти.

ВТОРОЙ СТУДЕНТЪ.

Молись, Фаустъ, а мы попросимъ Бога, чтобы Онъ сжалился надъ тобой.

Ф а у с т ь.

Прощайте, друзья мои. Если мнѣ суждено дожить до утра, я навѣщу васъ, если нѣтъ, значитъ, Фаустъ въ аду.

В с ѣ.

Фаустъ, прощай!

(Студенты уходятъ. Часы бьютъ одиннадцать).

† Ф А У С Т Ъ .

О Фаустъ,
Одинъ лишь часъ еще передъ тобою,—
И будешь ты навѣки осужденъ!
Молю, остановитесь, сферы неба,
Чтобъ время прекратилось, чтобы полночь
Не приходила больше никогда.
Лучистое природы око, вспыхни,
Зажгись опять и сдѣлай вѣчный день.
Или позволь, чтобъ этотъ часъ продлился
Годъ, мѣсяцъ, хоть недѣлю, день одинъ,
Чтобъ Фаустъ могъ раскаяться, и душу
Спассти свою!
O, lente, lente, currite noctis equi! *)
Часы бѣгутъ, впередъ несутся звѣзды,
Уходитъ время, должный часъ пробьетъ,
И дьяволъ явится, и Фаустъ будетъ
Навѣки осужденъ. О, если бъ могъ я
До Бога моего прыжкомъ достигнуть!
Кто тащитъ внизъ меня? Вонъ, вонъ, смотрите,
По небосклону льется кровь Христа!
Достаточно мнѣ было бы хоть капли,—
Поль-капли,—для спасенія души.

*) „О тише, тише бѣгите, кони ночи!“ Овидій, Amores, I, 13.

Христось! Христось! Не разрывайте сердца
За то, что я воскликнулъ: О Христось!
Скажу ему: О Люциферъ, пощады!—
Гдѣ жъ кровь Христа? Исчезла! Вижу только,
Какъ Богъ ко мнѣ протягиваетъ руку
И наклоняетъ гнѣвное чело!
Громады горъ, сюда, сюда, скорѣе,
Низриньтесь на меня, меня закройте
Отъ мщенія разгнѣваннаго Бога!

Нѣтъ! Нѣтъ!

Тогда скорѣе брошусь въ глубь земли.
Земля, разверзись! Нѣтъ, она не хочетъ
Дать мнѣ пріютъ! Я къ вамъ взываю, звѣзды,
Вы, что моимъ рожденьемъ заправляли,
Вы, чье вліянье дало смерть и адъ,
Скорѣй умчите Фауста къ высотамъ,
Какъ дымный паръ, въ провалы облаковъ,
Растущихъ тамъ, чтобъ въ часъ, когда, созрѣвши,
Обрушатся они на сонный воздухъ,
Изъ пастей ихъ дымящихся мои
Низверглись члены мертвыми, и только бѣ
Моя душа вошла на небеса!

(Часы бьютъ половину).

А! Полчаса прошло! Все вдругъ пройдетъ!
О Боже!
Пусть Ты простить души моей не хочешь,

Но ради крови, пролитой Христомъ,
Какъ выкупъ за меня,— молю, назначь мнѣ
Какой-нибудь конецъ для вѣчныхъ мукъ;
Пусть Фаустъ будетъ жить въ аду столѣтъя,
Тысячелѣтъя, сотни тысячъ лѣтъ,—
Но наконецъ— пусть наконецъ— спасется!
О, нѣтъ конца для осужденныхъ душъ!
Зачѣмъ ты не былъ между тѣхъ созданій,
Въ которыхъ нѣтъ души? Или зачѣмъ
Душа, въ тебѣ живущая, безсмертна?
Перевоплощенье Пифагора!
Когда бъ ты только истиною было,
Моя душа покинула бъ меня,
И я бы, превратившись, сталъ животнымъ,
Какимъ-нибудь скотомъ! Они счастливы:
Едва умрутъ,
Ихъ души тотчасъ таютъ въ элементахъ;
Моя душа должна навѣки жить,
Чтобъ быть въ аду и мучиться. Да будутъ
Тѣ прокляты, кѣмъ я рожденъ на свѣтъ!
Нѣтъ, Фаустъ, проклинай себя, пусть будетъ
Тобою проклятъ Люциферъ, который
Тебя лишилъ блаженства въ небесахъ!

(Часы бьютъ двѣнадцать).

А! Полночь! Полночь! Тѣло, превратись
Въ прозрачный воздухъ, или за тобою
Сейчасъ примчится Люциферъ изъ ада.

(Громъ и молнія).

Душа моя, будь каплями воды,
Сокройся въ океанъ, будь тамъ незримой.

(Входятъ дьяволы).

О Боже! Боже! Не смотри такъ страшно!

Ехидны, змѣи, дайте мнѣ пожить!

Ты, безобразный адъ, не разверзайся!

Не приходи за мною, Люциферъ!

Всѣ книги я сожгу!—А! Мефистофель!

(Дьяволы уходятъ съ Фаустомъ).

(Входитъ хоръ).

† Х О Р Ъ .

Сломалась вѣтвь, которая могла бы
Достигнуть роста полного, сожженъ
Побѣгъ зеленый лавра Аполлона,
Что цвѣлъ порой въ ученомъ этомъ мужѣ.
Нѣтъ Фауста, погибъ. Замѣьте нынѣ
Его паденье адское, чтобъ мудрый
Былъ предвѣщенъ сей демонской судьбой,
Тому чтобъ лишь дивился, что запрещено
И что влечетъ своею глубиною
Такие дерзновенные умы
Стремиться дальше, чѣмъ велитъ намъ
Небо.
(Уходитъ).

Incognito

421

